

В.В. Томявкин

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

АРФА И БОКС
РАССКАЗЫ

Виктор Голявкин

**Собрание сочинений.
Арфа и бокс. Рассказы**

«РОСМЭН»

УДК 821.161.1Р-31/-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Голявкин В. В.

Собрание сочинений. Арфа и бокс. Рассказы / В. В. Голявкин —
«Росмэн»,

ISBN 978-5-353-09323-7

Петербургский писатель Виктор Голявкин известен в первую очередь своими рассказами для детей – забавными, добрыми, ироничными. Однако Голявкин писал прозу и для взрослых, сохраняя при этом свой своеобразный лаконичный слог и неповторимый тонкий юмор. В настоящий том собрания сочинений вошли рассказы: «Из Невы в Неву», «Симпатичный человек», «Гвоздь в столе», «Я жду вас всегда с интересом» и другие, а также автобиографический роман «Арфа и бокс».

УДК 821.161.1Р-31/-32

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09323-7

© Голявкин В. В.

© Росмэн

Содержание

Писатель для всех	7
Рассказы	9
Утро	9
Все одно	10
Дверь	11
925	12
Удары животами	13
Арбуз	14
Письмо, которое не дошло до места	15
Странное письмо	16
Черт-те что	17
Пуговица	18
H2 + ? = !	19
Ведро воды	20
Выбрали – не выбрали	21
Из Невы в Неву	22
Лейтенант	23
Рассказ об одной картине Сезанна, мальчике и зеленщице	24
Любовь и зеркало	25
Все равно	26
Привет вам, птицы!	27
Я налетел на столб	28
Он говорит – я говорю	29
Туда и обратно	30
Энергия и темперамент	31
Не давайте ребенку кушать известку	32
Черт меня дернул туда полезть	33
Два моста без третьего	34
Визит	35
Никакого кресла там не было	36
Спокойной ночи	38
Мандарины	40
Мы беспокоимся за папу в 2000-м году	42
«Скачки в горах»	43
Все будет неплохо	44
Гвоздь в столе	45
Любой человек в любом деле устанет	46
Лирическое письмо	47
Фу-ты... Фу-ты...	48
Будет суп	49
Петлянье	50
Каково	51
Фрулофф	52
Пристани	54
О чемодане	55
Я зашел бы к вам	56

Я тебе – ты мне	57
Стук	58
Флажки, кругом флажки	59
Симпатичный человек	60
Человек идет по рельсам	61
И так хорошо, и так хорошо	62
Окно против окна	63
Прохожий	64
Почему я иду ать-два?	65
Кваканье	66
Ничего тут странного не было	67
Пятно на стене	68
Молодцы	69
Веселое настроение	70
Это было вчера	71
Я жду вас всегда с интересом	72
Густой голос Выштымова	75
Художник	78
Красные качели	80
Веселые ребята	82
Книга отзывов	86
Как его фамилия?	87
Парфентьев	88
Потяни корову за хвост	91
Музыкальная история	93
Среди потока самотека	95
Нужно было читать...	97
С утра до вечера	99
Аврелика	102
Ну-ка встань, мальчик!	105
В гостях у соседа	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Виктор Владимирович Голявкин
Собрание сочинений.
Арфа и бокс. Рассказы

© В. В. Голявкин, наследники, текст, 2020

© Макет, предисловие. ООО «РОСМЭН», 2020

Писатель для всех Перечитывая Виктора Голявкина

Писать о классике литературного минимализма Викторе Голявкине надо коротко. Нельзя забалтываться.

– Дай то-то.

– На, но помни, что я тебе дал.

– Дай теперь ты то-то.

– Не дам.

– А помнишь, я тебе дал то-то?

– А зачем ты дал, ты не давал бы.

В этом рассказе «Я тебе – ты мне» прекрасно представлена суть творчества Голявкина. Он исходит из того, что в мир, пребывающий в гармоническом равновесии, то и дело врывается нечто, внешне безобидное и даже, как здесь, с чертами гуманности, после чего, однако, равновесие нарушается, гармония превращается если не в хаос (а упорядоченное неотвратимо ведет к хаосу), то в конфликт.

В искусство Виктор Голявкин пришел художником. Окончил в Ленинграде Институт живописи, скульптуры и архитектуры по специальности «театрально-декорационная живопись». Получил распределение в театр города Орджоникидзе (так тогда назывался Владикавказ). Но не поехал, хотя, между прочим, театр там хороший. Безупречная логика авангардиста: он уже учился в художественном училище в Сталинабаде (ныне Душанбе), а теперь жил в Ленинграде. Так чего же метаться между вождеградами и комиссаровсками? Голявкин и остался, где был. Тем более что уже печатался в детских журналах, и даже первые книжки у него вышли в детских издательствах.

А в его взрослых книгах часто печатают рассказик «Флажки, кругом флажки»:

Флажки, кругом флажки, все небо в флажках. И флажками насыщен воздух. Сидит маленький мальчик среди флажков и ест флажок.

Все. Достаточно. Картина создана. Впервые рассказ напечатан в 1980 году, и те, кто постарше, помнят, какого цвета флажки реяли тогда над нашей страной. Одноцветно красные были флажки, флаги и транспаранты. «Очень люблю красный цвет», – однажды сказал Голявкин-художник. А Голявкин-писатель создал, можно сказать, свой литературный «Красный квадрат». Такой вот авангардизм на фоне тогдашнего социалистического реализма.

Работая в его условиях, Голявкин решил соцреализма попросту не замечать. А чтобы не замечали, что он его не замечает, брался за любые темы, особенно за те, которые входили в номенклатуру первостепенно соцреалистических. В детской литературе это, понятно, работа пионерской, а также октябрятской и комсомольской организаций, идеологическое и трудовое воспитание.

В первой же книжке Голявкина «Тетрадки под дождем» появляется рассказ «Второклассники и старшекласники».

Второклассники были взволнованы. Они шумели. Вот один октябренок влез на стул и, обращаясь к старшим, сказал:

– Вы наши шефы. Мы все вас очень любим. И поэтому мы вам хотим помочь. Вы плохо натерли пол в коридоре. Он совсем не блестит. А он должен блестеть – это каждый знает. Разрешите, пожалуйста, нам это сделать. Натереть пол в коридоре, чтоб он блестел.

Старшекласники были очень сконфужены. Они написали в стенгазету:

«Мы шестикласники. Нам стыдно вчерашних позорных минут. Мы переживаем. Мы плохо натерли пол в коридоре. И мы благодарны второму „А“, который пришел нам на помощь. Но мы исправим свою ошибку. Мы в скором времени соберемся и все вместе, всем коллективом, натрем пол до блеска. Пусть второклассники не беспокоятся. Все будет сделано. Мы все сделаем сами».

Но октябрюта не стали ждать. Они натерли пол в тот же день. А на другой день прочли стенгазету. И написали свою заметку.

«Мы, второклассники, извиняемся. Мы без разрешения натерли пол. Не переживайте. Мы все сделали сами».

Тотальная регламентация порождает абсурд, в котором человек теряет разум.

При жизни Голявкин выпустил десятки книжек в детских издательствах и уже на этом основании стал числиться детским писателем. А поскольку, как художник, также сам свои книжки иллюстрировал, постольку и вовсе приобрел репутацию человека, который не только пишет, но дорисовывает неопишемое. В итоге книги Голявкина раскупались не только детьми, но и их родителями. Просто взрослыми людьми. Читатели абсурдиан Виктора Голявкина разума не теряют, не отдают его на идеологический размен.

А свои книги для взрослых (видно сегодня) Виктор Владимирович писал так, словно предусматривал: они могут попасть в руки тем, кто читал его детские книги. Более того: он часто писал о взрослых для детей и о детях – для взрослых. А еще любил выпускать сборники, куда включал свою и детскую, и взрослую прозу. Получались книжки для семейного чтения. Спасибо ему за это. Настоящее собрание сочинений эту традицию продолжает. Ведь все, кто когда-нибудь начинал читать Голявкина, этого дела уже не бросал. Нельзя не полюбить писателя, который помогает тебе разобраться в тебе самом и в мире, где ты живешь.

Сергей Дмитренко

Рассказы

Утро

Утром солнце двигалось кверху. Тени ложились косо. Улицы пустовали. Навстречу мне шел человек. Он поравнялся со мной. Он взял меня за рукав. Я видел его дружелюбный взгляд.

– Гнома поймали, мой друг! – сказал он.

– Какого гнома? – спросил я невольно.

– Как – какого? – поднял он брови.

– Где он был? – спросил я глупо.

– Он был везде! – крикнул он.

– Почему? – спросил я.

– Как почему? Это факт.

– Что за факт?

– Общеизвестный. А вам неизвестно?

– Нет, – сказал я.

– О! – сказал он.

– Да, – сказал я.

– О! – сказал он. – Гном все тот же, с шапочкой на боку. И с зеленой кисточкой. Давали его вместе с сахаром. Я хотел взять его, но мне не нужен был сахар – вы меня понимаете? Мне не дали его без сахара, а сказали: «Возьмите сахар, дадим вам гнома».

– Это белиберда.

– Нет, это не белиберда.

– Это глупости.

– Нет, это не глупости. И гном сбежал. Он бежал через задний ход, потому что передний был заперт. Его видели двое калек и один больной. Они трое были без шапок...

– Это вы больной?

– Я не больной, я в шапке, его видели трое без шапок...

– Чепуха.

– Нет, это не чепуха.

Я повернулся уйти, но он встал передо мной.

– Вы должны знать о гноме, – сказал он ясно.

– Я не желаю, – ответил я.

В конце улицы кто-то шел.

– Минуточку, – сказал он и помчался ему навстречу.

Все одно

У меня в голове что-то есть. Когда я иду по улице, мою голову клонит к земле.

– Быть может, у вас утюг в голове?

– Нет, по-моему, не утюг.

– Почему вы так думаете?

– Мне кажется, что-то другое.

– Как вы это решили?

– У меня часто булькает в голове.

– Может, это у вас в животе? У меня, например, булькает в животе бульон. Великолепный куриный бульон!

– Живот – это не голова.

– Ах, боже мой, я вам скажу – все одно! Если пробить вашу голову, вы так же умрете, как если проткнуть вам живот.

Дверь

Ветер свистел по комнате, как в трубе.

Эта дверь была без петель.

И она была без дверной ручки. И в ней не было замочной скважины.

И это была не совсем дверь.

И вообще это была не дверь.

Она покоилась на двух стульях, и на ней лежал мертвый отец.

925

– 925 орехов! – крикнул мне крестьянский мальчик. Ветер дул в мою сторону, и я слышал отчетливо каждое слово.

«Почему не тысяча?» – подумал я. Ветер подул в обратную сторону, и теперь я не слышал мальчика. Он казался малюсеньким. Он махал руками. Он, наверно, кричал про орехи.

«При чем тут орехи?» – думал я. Ветер подул от меня. Я крикнул мальчику что-то такое не про орехи. Теперь ветер подул в мою сторону.

– 925!.. – кричал мальчик.

Ветер стал дуть со страшной силой. 925 летели в вихре, перевортывались вверх тормашками. Мальчик смеялся тоненько. Словно гном. Ветер утих. Я спросил:

– 925?

– На один орех меньше.

Он показал мне один орех. Это был блестящий орех. Будто стеклянный.

– Он стеклянный? – выразил я удивление.

– Целлулоидовый, – сказал мальчик.

– А остальные?

– Такие же, – сказал мальчик.

Ветер стих окончательно. Все листья деревьев висели вниз. Все, что висело, висело вниз.

Я увидел орехи. Они неподвижно висели в пространстве. Мальчика уже не было видно. Потом я четко увидел цифры: 925. Потом цифры стали в миллион раз четче. Я видел слишком четкие:

9 2 5.

И они делались все четче.

Затрещало пространство от четкости.

Я сел на землю.

Я держался за землю руками.

И видел только:

– 9 2 5 —

Мальчик смеялся сквозь туман.

Удары животами

Восемьдесят пять человек ударились животами друг о друга с такой страшной силой, что тридцать пять человек в тот же миг умерли.

Потом пятьдесят человек ударились животами друг о друга с такой потрясающей силой, что остался в живых один. Он съел огурец и пошел на край земного шара удариться с кем-нибудь животом.

Арбуз

Сто человек – один арбуз.
– Чей арбуз? – Вопрос встал ребром.
– Мой арбуз... твою мать!
– Мой арбуз, провались я в ад!
– Мой арбуз!
Мой арбуз!!
Мой арбуз!!!
Где арбуз?
Нет никакого арбуза.

Письмо, которое не дошло до места

Это письмо не дошло до места.

Что случилось по этой причине?

По этой причине умер дед.

Сломал ногу мальчик Петя.

Взорвался завод, и шкафы пошли не по той цене. Одна страна воевала с другой пять лет, и погибли миллионы солдат, и кошку засыпало всю землей во время бомбежки города, который стерли с лица земли.

Вот что случилось лишь потому, что пропало одно письмо.

Странное письмо

Я считал его умным, порядочным человеком. Он искренне был расположен ко мне, очень добр и мил. Он восхищался моей грубой речью, корявой и скверно построенной, в то время как сам говорил гладко и складно до виртуозности. Он уверял, что любит меня, как брата. Я обнял его и сказал «Я не желал бы себе лучшего друга».

Он прослезился и чуть не упал. Я поддержал его, усадил на стул и сказал:

– Я рад держать с вами связь. Завтра я уезжаю. Он опять сверзился со стула, я опять посадил его и сказал:

– Надеюсь, вы будете мне писать?

– Можно ли сомневаться в этом? – Он вытер глаза платком.

Я не ошибся в нем.

Письмо его перегнало меня. Оно пришло раньше, чем я приехал.

Я распечатал его и прочел.

Сначала я ничего не понял.

Потом я решил: тут что-то не то.

Потом я решил, что болен.

Потом мне показалось, что письма я не читал, и прочел его десять раз. Потом я просил соседей прочесть мне это письмо.

Услыхав то же из ихних уст, я разбил стулом шкаф.

Впрочем, вот это письмо:

«Мой славный друг! Желая пролить в вашу душу свет, я сообщу вам нечто: чайники, сковородки, лестницы, полотенца кладите в угол на радость всем. В обратном порядке вытаскивайте из угла. Лейте из леек в угол воду, вбивайте гвозди без промедленья и не морочьте мне голову.

Ваш бесконечно преданный друг».

Черт-те что

– Черт возьми! – вскрикнул я, протерев глаза.

Мимо меня проходили люди. Их вид меня поразил. У них были предметы утвари вместо голов. Вот идет: на месте головы сидит крепко чайник. Ручка стучит по боку чайника.

Человек-чайник прошел мимо. А эти двое – кастрюлька и сковородка.

А! Что это?

Это уж слишком! Деревянная ложка! Маленькая деревянная ложка вместо головы.

Человек-ложка сказал: «Ни туды ни сюды и дrrrr-брым!»

Я отскочил в сторону, в подъезд. Другой с головой-кастрюлькой ответил: «Андрюша врим бегали дрлинг...»

С головой-ложкой сказал: «Ну не бывали, бывали, туды и сюды...»

Тот другой ответил: «А-а-а... vrrrr-трр-врт...»

С головой-ложкой сказал: «Пер-вер-дер – обдурили Дария...»

Другой засмеялся: «И... и... и... хи... хи... хи...»

Я поинтересовался:

– О чем здесь, прошу вас, скажите, вы только что говорили?

Они оба сказали:

– Дербртвр...

Пуговица (Мой дядя)

Так и запомнился мне мой дядя – когда он приезжал к нам в гости в те далекие времена – с огромной пуговицей на кальсонах.

Таким запомнил я дядю в детстве, таким остался он на всю жизнь – с огромной пуговицей на кальсонах.

И когда говорят у нас в доме о дяде, когда вспоминают его светлый образ, его заслуги перед государством, то передо мной возникают его кальсоны с огромной пуговицей от пальто.

Отец говорит: «Он был красив», – я вижу пуговицу на кальсонах.

Мать вспоминает его улыбку – я вижу пуговицу на кальсонах.

Когда я смотрю на его портрет – я вижу его кальсоны с огромной пуговицей от пальто.

H₂ + ? = !

Почувствовав пустоту и тяжесть на сердце, я разбил кулаком графин с водой. Но разве беда в том, что я разбил графин с водой? Ведь я разбил его в своей комнате, оставшись наедине с графином. Вода пролилась из графина на пол. Но разве беда в том, что она пролилась на пол? Вода прошла в щель в полу, стала капать вниз, на второй этаж, но разве я мог об этом подумать? В то время, когда я смотрел на воду, раздался внезапно страшный взрыв. Мне оторвало голову, но разве я виноват, что ее у меня оторвало?..

Ведро воды

Мой дорогой учитель! Раздражаясь, он говорил быстро-быстро, захлебываясь словами, постепенно теряя смысл слов и взаимосвязь между ними.

Он говорил мне:

– Учи уроки, без знания – тьма, стул, стол, табуретка, мы, вы, Амстердам...

Он, безусловно, знал, что хотел сообщить, и он, безусловно, желал мне добра, но он так жаждал все это сразу сказать и вывести меня в люди, что немножечко торопился, и я не всегда понимал его.

Я не получал тот комплекс знаний, который он нес мне от всей души. Наоборот, я все страшно путал, и доходило прямо-таки до абсурда – весь мир мне казался черт знает чем.

Как-то осенним холодным утром мой педагог сказал, что он болен, а мне лично стал говорить очень быстро несметную кучу слов. Потом он схватился за голову и так долго сидел за столом.

Я вышел из класса, вернулся через минуту и вылил ему на голову ведро воды. Оказалось – он этого не хотел.

Выбрали – не выбрали (Очень серьезный разговор)

- Тебя выбрали?
- А тебя выбрали?
- А его выбрали?
- А этого выбрали?
- А кого не выбрали?
- Сколько выбрали?
- Никого не выбрали?
- А сколько собрали?
- А этого не выбрали?
- А того не выдвигали?
- А этого куда дели?
- А этого как нашли?
- Ты руку поднимал?
- А ты чего молчал?
- Кого ты зачеркнул?
- Зачем тогда кричал?
- Ах ты его не знал!
- А сколько их всего?
- Как, нет ни одного?
- А где же все они?
- А как же без него?
- Вода не работает...
- А ты сильнее дерни!
- А тот куда попал?
- А кто туда вошел?
- А вышел кто тогда?
- А в общем, ерунда...
- Пошли, хватит сидеть, следующие ждут.

Из Невы в Неву

Я их вспоминаю с восторгом. Это были упорные люди. Самые работающие люди.

Работа горела у них огнем.

Я не встречал ни до, ни после таких работающих людей. Они работали дотемна.

Чуть свет они подъезжали к Неве, устанавливали водокачку. Это была примитивная штука, что-то вроде насоса. Она приводилась в движение вручную. Итак, они брались за дело. Как прекрасны в труде эти люди! Они шестером облепляли рычаги по команде: «Вперед, ребята!» – яростно начинали качать.

Один конец шланга шел в воду. Другой конец тоже шел в воду. Оба конца шли в воду. Они перекачивали Неву. Может быть, вы удивитесь этому. Или вы усомнитесь в их пользе, или засмеетесь, в конце концов.

Но шестеро были другого мнения. И трудились они как черти. И нужно им поклониться. Ибо они трудились.

Мелькал рычаг. Шла вода. Светились их лица. Работа спорилась.

Они останавливались на миг вытереть пот со лба и вдохнуть полной грудью. И снова бежала по шлангу вода.

Вечером их ждал ужин. Обед у них не бывало. Они не тратили даром времени.

– Кончай работу! – кричал бригадир. Его зычный голос был тверд. В нем сквозили уверенность и упрямство.

Шесть упорных садились за стол. Двигались шесть уверенных челюстей. Жевали шесть довольных ртов. Гордо блестели двенадцать зрачков.

Лейтенант

Я проснулся, услышав стук в дверь. Вошел старый школьный товарищ. Я не узнал его сразу, я не видел его много лет, а как только узнал, сказал:

– А... Миша...

– Петя! – сказал он. Он был рад. Я сидел в трусах на кровати. Кровать была высока. Миша был в новой военной форме. Он был лейтенант.

– Ты лейтенант, – сказал я.

– Я лейтенант, – сказал с радостью Миша.

– М-да... – сказал я.

– А ты? – спросил Миша.

– Я не лейтенант, – сказал я.

– Почему же?

Как мне показалось, он удивился. Я посмотрел на него с интересом.

– Не знаю, – ответил я.

– А я лейтенант, – сказал Миша.

– Ты лейтенант, – сказал я.

– Лейтенант я, – сказал Миша.

– Лейтенант... – сказал я.

– Давно это было... – вздохнул вдруг Миша.

– На одной парте сидели...

– И уже лейтенант, – сказал Миша.

– Лейтенант... – сказал я.

Мы помолчали.

Потом попрощались.

Он пожал мне руку и отдал честь.

– Лейтенант, – сказал я, – конечно...

Он пошел. На площадке лестницы остановился. Повернулся ко мне весь в улыбке. И опять отдал честь. Только шелкнул отчетливо каблуками. И уже пошел окончательно.

Рассказ об одной картине Сезанна, мальчике и зеленщице

Странный был человек Поль Сезанн! Напишет он холст красоты небывалой, да вдруг не понравится он ему. И он режет его ножом – вот так: раз-два, и кидает в окно. А окно мастерской выходило в сад. В саду часто играли дети. Они мастерили щиты и латы из брошенных Полем Сезанном холстов и с гиком и свистом носились по саду. Они дырявили живопись палками, делали из холстов корабли и пускали их в лужах. Только один очень маленький мальчик, что жил напротив, однажды нашел холст Сезанна и притащил домой. Мать мальчика, очень сварливая, как увидела холст – закричала: «Что за дрянь ты таскаешь в дом!» – и выбросила его в окно.

Проезжала зеленщица на базар. Она подобрала холст на дороге и положила в свою тележку. «Это очень красивые цветы, – решила она, – я повешу их в своем доме».

Любовь и зеркало

Фойе театра. Зеркала.

Они сидят в кресле вдали от всех.

Он говорит:

– Люблю.

– Ах, – говорит она.

Он говорит:

– Я куплю эскимо.

И бежит во всю прыть в конец фойе, где стоит лоток. Вдруг что-то обрушилось на него. Или он на что-то обрушился. Что в итоге не важно.

Он моментально падает на пол.

Он видит лоток впереди. Видит люстры. И пять дверей в зал. Бежит к нему Тася.

Она поднимает его и ставит на ноги.

Он озадачен. Вертит головой во все стороны. Видит всюду лоток, видит люстры и пять дверей в зал...

Все равно

Звоню ей по телефону, предлагаю в кино сходить. Она мне отвечает, что ей все равно, можно и в кино сходить.

Я говорю:

– Нет, нет, тогда мы не пойдем в кино, если тебе не хочется.

Я говорю:

– Сходим в цирк, если тебе хочется.

Она мне отвечает, что в цирк ей хочется и не хочется, а в общей сложности все равно.

Я спрашиваю, брать билеты или не брать, а она мне отвечает, что ей абсолютно все равно.

Я ей предлагаю оперетту; а она мне отвечает: ВСЕ РАВНО.

– В парк?

– Все равно.

– В клуб?

– Все равно.

– На тот свет?

– Все равно.

Я перечисляю ей разные развлечения, мероприятия, вплоть до прыжков с парашютной вышки и «чертова колеса», предлагаю танцы, бассейн и планетарий, зоопарк и собачью выставку, стадион и выставку картин, съездить за город на электричке, выдвигаю, наконец, версию отправить своих родителей за город на электричке, а ее пригласить к себе. Но она на все мне отвечает: ВСЕ РАВНО.

Тогда я, возмущенный и окончательно вышедший из себя, совершенно категорично заявляю, что если ей все равно, встречаться со мной или не встречаться, то лучше не встречаться.

Тогда она мне отвечает, что ей решительно все равно, куда идти и ехать, лишь бы со мной...

И ведь мне все равно.

Лишь бы с ней...

Привет вам, птицы!

Я смотрел телевизор в клубе. Показывали кинокартину. Люди все подходили. И прямо-таки изводили меня. Потому что я сидел с краю, и все обращались ко мне. Все спрашивали название картины. А название было такое: «Привет вам, птицы!» Там шла речь о скворечнях, весне и грачах.

Первым спросил меня мальчик. Он очень мило спросил, деликатно:

– Дяденька, это какое кино?

Я сказал:

– Это «Привет вам, птицы!».

Он не расслышал. Я повторил. Он не стал больше спрашивать и где-то сел. И сейчас же мне кто-то шепнул тихо в ухо, задав тот же самый вопрос.

– «Привет вам, птицы!» – ответил я.

– Кому привет? – спросил он.

– Птицам привет, – сказал я, – птицам.

– Как то есть? – спросил он мягко.

Я попросил его отойти. Он как будто обиделся, но отошел. Вдруг ко мне обратилась женщина. Она интересовалась тем же. Грубить женщине неприлично. Я взял себя в руки. Вобрав воздух в легкие, я сказал:

– «Привет вам, птицы!»

– Я не шучу, – сказала она.

– Я тоже, – ответил я.

– Вы шутите, – рассердилась она.

– Нет, – сказал я.

– Как это глупо! – сказала она.

– Отвяжитесь! – рявкнул я.

– Хам, – сказала она и ушла в сторону.

Но не успела она отойти, как ко мне привязались двое. Эти двое здоровых парней желали узнать от меня непременно название кинокартины.

Я не сказал им: «Привет вам, птицы!» Это могло для меня плохо кончиться.

Я встал с места и вышел вон. У двери столкнулся со мной старик. Он спросил:

– Вы оттуда? Там какое идет кино?

Я налетел на столб

Я иду с мамой и папой по тротуару. Я иду и смотрю туда, и сюда, и вверх. В небе летит самолет. Вдруг я падаю на тротуар. Я налетел лбом на столб. Я плачу и не хочу вставать. Папа берет меня на руки. Он гладит меня и говорит:

– Как это ты упал?

Я говорю:

– Я смотрел на самолет и не видел столб.

Отец говорит маме:

– Ты плохо следишь за ребенком. Мать рядом – не видит, что сын прет на столб.

Мать говорит отцу:

– А ты для чего, отец? Разве это не твой сын?

Отец говорит:

– Это, конечно, мой сын, но ты – мать!

Мать ему отвечает:

– А ты – отец.

Отец строго ей заявляет:

– У тебя это не первый раз. Помнишь, как он съел кошкин творог? Ты тогда была дома.

На это мать говорит:

– А ты помнишь, пошел с ним гулять и надел ему майку вместо штанов?

Отец говорит:

– Не майку, а джемпер, и это не так уже страшно. Это не сделало сыну вреда.

Мать ему возражает:

– Не джемпер, а майку.

Отец говорит:

– Я помню, что джемпер, – и ставит меня на ноги.

– Ты вспомни-ка, – говорит ему мать.

Я трогаю лоб. У меня на лбу шишка. Я смотрю на мостовую. Там что-то блестит на асфальте. Я преспокойно иду под машину.

Шофер резко тормозит. Он кричит во все горло:

– Чей ребенок?!

Папа и мама бегут ко мне. Мы опять идем по тротуару. Папа и мама ведут меня за руки. Мать говорит отцу:

– Славка чуть не попал под машину, и это все ты виноват.

Он говорит – я говорю

Я написал один рассказ. Там были такие слова: «Пер-вер-дер, обманули Дария». И больше о Дарии ни слова.

Но вот однажды приходит ко мне человек по фамилии Дарий. Он является и говорит возмущенно:

– Вы вписали меня в рассказ. Я слышал – он об идиотах? Моя фамилия там фигурирует. Надо мной все смеются. Все говорят мне: пер-вер-дер.

Я говорю:

– Вы тут совсем ни при чем. Ведь был такой царь Дарий. Вот я про него и писал.

Он говорит:

– Почему вы тогда не вписали себя? Например, пер-вер-дер – вы. Или какое-нибудь другое имя или фамилию. Я прошу изменить.

Я говорю:

– Я бы сделал это, но так лучше звучит.

Он говорит:

– А мне какое до этого дело?

Я говорю:

– Не находите ли вы, что это глупо и ваше требование дурацкое?

Он говорит:

– Нахожу, что глупо, но все равно измените.

Я ему говорю:

– Раз вы находите это глупым, не говорите мне этого.

Он со слезами на глазах говорит:

– Все равно, хоть это и глупо, но все равно вы меня оскорбили.

Я говорю ему:

– Я прошу вас не лезть в мои рассказы и в мое личное творчество.

Он говорит:

– Это вы втянули меня в рассказ, а я сам никогда бы не влез в него и не подумал бы этого сделать.

Я ему говорю:

– Надоедливый вы человек!

А он все говорит мне и говорит!

Туда и обратно

Зачем ОДНО учреждение переходило в здание ДРУГОГО учреждения, а ТО учреждение переходило в здание ЭТОГО учреждения, – так никто и не понял.

И в том здании и в этом здании одинаковое количество комнат.

И тут и там по сорок дверей.

И окон одинаковое количество.

И выключателей одинаковое количество.

И этажи те же.

Оба здания с красными крышами.

Оба здания стоят рядом.

Тащили несгораемые шкафы и шкафы простые. Выкручивали, вкручивали лампочки.

Тащили столы и стулья. Тащили туда и обратно. И перетащили.

Было:

В ОДНОМ здании с красной крышей ОДНО учреждение. В ДРУГОМ здании с красной крышей ДРУГОЕ учреждение.

Стало:

В ДРУГОМ здании с красной крышей ОДНО учреждение. В ОДНОМ здании с красной крышей ДРУГОЕ учреждение.

То есть наоборот.

В ДРУГОМ здании с красной крышей ДРУГОЕ учреждение.

В ОДНОМ здании с красной крышей ОДНО учреждение. То есть:

В ОДНОМ – ДРУГОЕ.

В ДРУГОМ – ОДНО.

То есть:

В ОДНОМ – ОДНО.

В ДРУГОМ – ДРУГОЕ.

То есть:

ОДНО учреждение перешло в здание ДРУГОГО учреждения. А ТО учреждение перешло и здание ЭТОГО учреждения.

А зачем – непонятно!

Энергия и темперамент

Я знал его лично.

Он собирал автографы знаменитых людей. Он с ног сбивался в погоне за ними, а я диву давался его энергии и темпераменту.

Не раз задумывался я над тем, какая сила толкает его на эту тяжелую деятельность, – он спать не мог, если ему не давали автограф, и так страдал, будто бы обманулся в любви.

Он ловил у подъездов гостиниц известных спортсменов, артистов, разыскивал адреса ученых, писателей, передовиков производства – вообще всех, кто чем-либо прославился.

И он бывал так горд и счастлив, словно сам становился великим или сделал что-либо такое, чем действительно можно гордиться.

Как-то он показал мне автограф какого-то скрипача. Он сказал:

– Мне привалило счастье, – и показал мне такие каракули, какие мог сделать только ребенок.

Эта роспись была сделана на клочке бумаги, и мне так понравилась эта роспись, что я сказал ему:

– Эх, и дурак же ты, братец!

Он так обиделся на меня за это, что не разговаривал со мной год. Но через год мы опять помирились, и он показал мне столько листков с подписями, открыток, карточек, книжек, что я невольно пришел в удивление, как он мог столько всего собрать.

Я даже сказал ему:

– Это здорово, черт возьми! Он обнял меня от души.

Не давайте ребенку кушать известку

Мы жили в огромном доме. И в нем жило соседей полным-полно. Они очень любили нас и ходили к нам в гости. А мы очень любили их и ходили к ним. И вот так мы друг к другу ходили. Лишь не было случая проявить любовь. Как назло, не случилось бед. Никто в помощи не нуждался, и мы только ходили.

Беда пришла внезапно. Из пятой квартиры ушел мальчик Петя. Ему было только три года, и он ушел куда-то из дома в раскрытую настежь дверь. Весь дом всполошился, как по тревоге, и все отправились Петю искать. Все жильцы разбежались по городу.

Петина мама помчалась в больницу: она решила, что Петя там, раз он один ушел из дома.

Один из жильцов пошел на пристань.

Другой жилец побежал на вокзал, он тоже что-то имел в виду насчет железной дороги.

Сосед, что жил напротив, позвонил в отделение милиции. Он сказал, что пропал ребенок, имеющий очень веселый нрав.

Один жилец рыскал по магазинам и искал Петю там, где игрушки. Но всех перекрыл дядя Вася. Он разыскивал Петю во всех пивных и потерялся внезапно сам.

Все дотемна искали Петю, все бродили по городу целый день.

А Петя кушал известку со стенки в самом конце коридора.

Черт меня дернул туда полезть

У спуска к Неве толпа.

Все лезут к барьеру со всех сторон, но всех так много, что никак все не могут туда пролезть.

Я слышу, как кричат:

– Поймал! Поймал!

Я протискиваюсь к барьеру.

Мне рвут в клочья пиджак.

Я теряю галоши и шапку.

Наконец я у барьера.

На лестнице у воды сидит старик. Он в руках держит рыбку величиной с кильку. А удочку он опять забросил в воду и ждет, когда снова клюнет.

Я спрашиваю у стоящего рядом:

– Как бы мне отсюда вылезти и пойти домой?

Он лениво мне отвечает:

– Это совсем невозможно. Я стою здесь уже шесть часов. Мы разговорились. Он сказал: у него есть дочка, сынок и жена. А я сказал, что в войну я служил сапером.

Он сказал, что, наверное, будет дождь, потому что тучи закрыли небо, – и как же тогда нам быть?

Я сказал, что дует ветер и мне уже холодно...

Он сказал, что, конечно, холодно, потому что осень...

Два моста без третьего

На одной стороне он жил, на другой работал – только через Неву. Из дома он видел тот дом, где работал, а из окна на работе – свой дом.

Словно рукой подать через Неву. Да не так. Мосты находились далеко. Как будто нарочно их растащили: один мост влево, другой мост вправо – до каждого нужно тащиться. И оба на расстоянии равном.

Один день он шел по одному мосту, в другой ходил по другому. Но это его не устраивало. И он стал на работу ходить по одному, а с работы шел по другому. Потом переменялся мостами и стал ходить по ним наоборот.

То есть: с работы он шел по одному, а на работу ходил по другому.

И это его так закружило, что он перепутал мосты.

Визит

Я готовился к мудрой беседе с ученым. О! Это был великий ученый! Я нервничал не на шутку. Я много думал, как мне говорить и как отвечать на вопросы.

Он встретил меня у двери. Он крепко пожал мне руку. И, прямо взглянув в глаза, спросил:

– Вы не знаете, где муравей?

Я удивленно пожал плечами.

Дочка его, лет восьми, сказала:

– Он у тебя в шляпе, папочка.

– Я только что видел шляпу, там его нет.

– Ну, значит, мама взяла его с вилками, манной крупой, макаронами, ложками, чашками, кошками, мылом, банками и пузырьками.

– Я только что спрашивал маму, она не брала его.

– Ну, тогда он в коробке или в Москве.

– Навряд ли...

– Ну, тогда он в тазу.

– В алюминиевом или в медном?

– Наверно, в медном.

– А может быть, в алюминиевом?

– Может быть, в алюминиевом.

– А может быть, он не там?

– Может быть, он не там.

– Тогда в другом месте.

– Значит, в другом.

– А если он в ухе?

– У кого?

– У мамы.

– Навряд ли.

– А может быть, он в башмаке?

– Может быть.

– А может, он в бане?

– Все может быть.

– А вдруг он в сыре?

– Почему бы и нет?

– А вдруг он в Бомбее?

– Пожалуй...

– А вдруг он пропал?..

– Очень жаль, – сказал отец.

Я хлопал глазами, но я не сказал ни слова. Великий ученый был мрачен. Как мне показалось, он был расстроен. Обратившись ко мне, он сказал:

– Право, вы на меня не сердитесь, но это очень серьезный вопрос...

Никакого кресла там не было (Рассказ маленького мальчика)

Мама послала меня на чердак, чтобы я повесил белье. Я вешал на чердаке белье, по крыше что-то стучало. Я смотрел в потолок и думал, что бы это могло там быть. В окне мелькнула кошка. Вслед за ней показалось чье-то лицо. Человек смотрел на меня. Он был очень худой и бледный, а глаза ужасно большие, как у бабушкиной иконы.

– Как дела? – спросил он и улыбнулся.

Он сразу понравился мне.

– Вы кто? – спросил я тихо.

– Я здесь живу, – сказал он.

Я не поверил, что он здесь живет. Кто же на чердаках живет. Он влез в окно.

– Стульев нет у меня, – сказал он, – вот плохо...

– Как вы стояли там, за окном? – спросил я.

– Фи! Чепуха. Как стоял? Очень просто стоял.

– А я смогу там стоять? – спросил я.

– Как сказать, – сказал он, – это трудно сказать...

– Я упаду?

– Может быть, упадешь.

– А как же вы?

– О, я давно здесь живу. У меня даже кресло здесь есть. Только дна нет в кресле. Но сидеть в нем можно. Если нет дна, тоже можно сидеть. Хотя хуже. С дном лучше. Ты не находишь?

– Нахожу, – сказал я.

– И я нахожу. – сказал он.

– А где это кресло?

– Кресло там, в темноте. Я отдыхаю в нем, как барон.

– Вы барон? – спросил я.

– Как сказать...

– А где вы спите?

– Я сплю... Здесь, вот...

– А где ваша подушка?

– Я ее проглотил.

– Подушку? Ха-ха... Разве можно глотать подушки!

– А ты думал – нет?

– Ясно – нет.

– Фокусник я, понимаешь, циркач.

– Фокусник? А не врете? Ну-ка съешьте сейчас подушку.

– Я ее уже съел.

– Я вам другую сейчас принесу.

Он удержал меня за рукав. По лестнице кто-то шел. Кто-то шел к нам на чердак.

– Погоди, – сказал фокусник, – я сейчас.

Он исчез в окне.

Вошла моя мама.

– Что ты делаешь здесь? – закричала она.

– Ничего.

– Ты даже еще и белье не повесил!

– Мама, – сказал я, – здесь кресло есть.

– Какое еще такое кресло?

- Есть, – сказал я.
- Не болтай чепухи.
- Я не болтаю.
- Если б знал отец, что за сын у него! – сказала мама.
- А ты можешь стоять за окном? – спросил я.
- Пошел вон! – закричала мама.

Она, ругаясь, вешала белье, которое я не успел повесить. Где-то рядом раздались выстрелы.

- В кого-то стреляют, – сказала мама.

Мы спустились домой.

Всю ночь я не мог заснуть.

Я встал рано утром, на цыпочках вышел в кухню, взял лампу, зажег ее и пошел на чердак.

Я прошел в дальний угол: туда, где должно быть кресло. Никакого кресла там не было.

Спокойной ночи

Я встал ночью с кровати выпить воды. Мне стало как-то не по себе. Словно в комнате кто-то есть, только прячется. Повернувшись к окну, я вскрикнул и, отскочив назад, налетел на стол и больно ушиб позвоночник. На подоконнике сидя спал мальчик Петя, соседкин девятилетний сын. Он спал, головой уткнувшись в колени. Я закричал во все горло:

– Петя, почему ты здесь спишь?!

В ответ только тикал будильник. Я прислонился к стене.

– Петя, – сказал я, – вставай....

Петя не просыпался.

– Вставай! – крикнул я.

Одним прыжком я у окна. Больно стукнулись пальцы о раму. Я стал шарить по подоконнику...

В дверь постучали.

– Кто там? – спросил я хрипло. За дверью раздался Петин голос.

– Что тебе?

– Меня мама послала...

– Почему ты спал у меня на окне?

– Я не спал у вас на окне.

– Ты сидел на окне, Петя.

– Я не сидел на окне, я спал.

– Ну да, спал, черт возьми, а зачем ты там спал?..

– Я не там спал, я дома спал. Вас мама ругает. Она говорит, ей рано вставать.

– Ну и пусть встает, а я тут при чем?

– А вы не спите.

– Так что до этого твоей маме?

Зашлепали по коридору сандалии. Подошла к двери Петина мама.

– Что у вас там происходит? – спросила она.

– Простите... Ради бога, простите... В общем, что-то мне показалось... я, кажется, крикнул...

– Еще как крикнули, милый мой.

– Да, да, что-то вроде... Как будто... Теперь все в порядке... Последнее время вы часто кричите.

– Да... – сказал я, – да, да. Да, да, да...

– Вставать рано... – сказала Петина мама.

– Да, да, – сказал я.

– Пете в школу... – сказала Петина мама.

– Хороший мальчик ваш Петя...

– Вчера пятерку принес.

– Молодчина, Петя.

– Две пятерки принес, – сказал Петя.

– Две пятерки, – сказала Петина мама. – А ваш брат пишет?

– Сейчас что-то нет.

– Ну ничего, напишет...

– Беспокоюсь я.

– Ну что вы, это вы зря...

– Может быть.

– Поверьте мне.

- Спокойной ночи.
Зашлепали по коридору сандалии.
- Петька, – позвал я, – иди сюда...
- Босые ноги вернулись к двери.
- Чего вам?
- Это правда, что ты не сидел на окне?
- А что мне там сидеть...
- Это верно... Что тебе на окне сидеть...

Мандарины

Луна сидела на крыше. Проспект пустел. Я останавливался у витрин. Витрины горели во тьме, как фары. Они приковывали взгляд. Невольно я глядел на них.

Я разглядывал спорттовары. Много там всякой всячины: мячики и мячи, сетки и сеточки, горы свистков и скакалок, чехлы и шины, спицы и обручи и спортивные пистолеты.

Я подошел к фруктовой витрине. Меня привлекли мандарины. Вдруг за углом кто-то крикнул: «Эй!» Может, мне показалось? Все может быть. Но даже если кто и крикнул, то это не мне. Кто станет звать меня в такой час? Ну конечно же это не мне...

Мне захотелось вдруг мандаринов. Если бы магазин был открыт, я купил бы их штук десять. Даже больше. Я съел бы их даже двадцать. Как жаль, что закрыт магазин!

Мандарины лежали горками. Я стал считать, сколько их в каждой горке, как вдруг кто-то шепнул мне на ухо: «Тррр...» Я обернулся сейчас же. «Тррр» – это бог знает что. Каждый бы обернулся, скажи ему в ухо: «Тррр»...

Если бы мне сказали не на ухо, я не подумал бы оборачиваться. Как поступили бы вы? Сказано было негромко, даже шепотом – дело вот в чем, – сказано было в ухо.

Передо мной стоял человек. Я не успел разглядеть его. Я не знаю, стар он был или молод. Я не помню, как он был одет. Я помню только, что он улыбался. Он улыбался так мило, что... я улыбнулся тоже. Я его никогда не видел. Я встретил его впервые. Но улыбнулся ему невольно – каждый бы улыбнулся ему. Он спросил меня: «Репина знаешь?» Знал ли я Репина? Конечно, знал. Это известный русский художник.

Мне бы надо спросить у него, что ему надо и какое дело ему до того, что я знаю и чего не знаю. А я сказал: «Знаю...» Он позвал меня за собой. Мы зашли за угол, в темноту. Он негромко спросил: «Репин дома?» Признаться, я испугался. Я подумал, он сумасшедший. Репин не мог быть дома. Он давно умер. Он умер много лет тому назад.

Он мог укусить меня или стукнуть. Бежать? Он побежит за мной. Нельзя бежать. Я сжал кулак.

– Что надо?

– Репин дома? – спросил он опять.

«Точно, – решил я, волнуясь, – он псих». Боясь нападения с его стороны и не представляя, на что он способен, я сказал:

– Да, дома.

Повернувшись ко мне спиной, он свистнул. Я думал, меня будут грабить. Народу поблизости не было. Я хотел ударить его ногой, это было очень легко, но из темноты к нам шла тень с чем-то очень большим, как ящик, и я решил поглядеть, что будет. Бесспорно, меня не будут грабить. Зачем бы грабителю ящик?

Тень сказала:

– Бери и скачи...

Я разглядел лицо тени: у типа было щетинистое лицо. Глаза блестели во тьме. Он протягивал ящик мне.

– Бери и скачи, гоп-гоп, – добавил он раздраженно.

Мой первый знакомый подтолкнул меня. Притом он тоже сказал:

– Скачи, милый, в сито...

Они говорили странно. Это показалось мне черт знает чем, я ничего не понял.

– Куда нести его? – спросил я про ящик.

Мои коленки чуть-чуть дрожали. Мне было страшно.

– В сито неси! – гаркнул детина и дал мне в лоб ладонью.

Я покачнулся. В голове у меня застучало. Чудом я не упал. Дрожащими руками я держал ящик. Я нес его как в бреду. Нес по темным улицам, тяжело дыша. Нес, оступаясь на каждом шагу. Я чуть не плакал. Куда я должен его нести? Я принес ящик домой. Положил в передней. Всю ночь я не мог уснуть. Заснул лишь под утро. Мне снились кошмары. Я открыл ящик к вечеру.

Ровными рядами, завернутые в тонкие бумажки, лежали в ящике мандарины.

Мы беспокоимся за папу в 2000-м году

Папа пошел выпить пива на Марс и что-то там задержался. В это время случилось несчастье. Пес Тузик съел небо, которое постирала мама и вывесила сушиться на гвоздь. Пес Тузик надулся, как детский шарик, и захотел улететь. Но он не смог этого сделать, потому что не было неба.

- Как же вернется наш папа, – сказала мама, – раз неба нет?..
- Действительно, как он вернется? – сказал я.
- Ха-ха-ха-ха! – сказал папа в дверях. – Ха-ха-ха-ха!
- Какой дорогой вернулся ты? – удивилась мама.
- Ха-ха-ха-ха! – сказал папа. – Я пьяный, я не знаю, какой дорогой.

«Скачки в горах»

Один решил, что он композитор. Он не знал даже нот, никогда ни на чем не играл и вообще о музыке не имел понятия.

Он садился возле окна и отстукивал по стеклу мелодии. Но тотчас же их забывал.

Одну мелодию он запомнил, назвав ее «Скачки в горах».

Он напевал ее ежеминутно, был о ней очень высокого мнения и ею гордился.

Он стал отыскивать тех, кто знал ноты, и просил ее записать. Но никто не хотел его слушать, и все смеялись.

«Они завидуют мне», – думал он.

И вдруг он мелодию забыл. Это случилось так внезапно, что он растерялся.

Сколько он ни стучал по стеклу, ни мурлыкал под нос, ни бил по тарелке ложкой, – он ничего не мог вспомнить. Он стал приставать к тем людям, которым ее напевал. Но они ее тоже забыли.

Мелодия совершенно исчезла. А когда он совсем уже приуныл и всякую надежду потерял, – мелодия возвратилась. Ее передавали по радио в очень известном романсе. Сочинил эту вещь композитор, умерший сто лет назад. И название было другое. Вовсе не «Скачки в горах».

Все будет неплохо

Один парень дал телеграмму, чтобы девушка встретила его в Тамбове. Он ехал проездом через Тамбов. Парень думал, как встретит ее, и волновался. Но когда подъезжали к Тамбову, он выпил пива и все забыл. То есть он забыл, что его должна девушка встретить. И он ушел в другой вагон с кем-то выпить чего-то еще. А в это время как раз Тамбов, и девушка бежит по вагонам и спрашивает всех про парня – где он, куда делся, – и даже плачет.

Ну, постоял поезд в Тамбове и дальше пошел, а парень тотчас же вернулся в вагон, а девушки уже нет, конечно. И тут парень вспомнил про девушку.

– Где она? – говорит.

Стали его ругать и судачить по поводу девушки. Эх, ты, говорят, ух, ты, как же так, и другое.

Парень схватился руками за голову и так сидит и молчит. Горюет. Тут кто-то сказал ему про телеграмму. Хотя чтобы девушка перестала плакать. Чтоб успокоить ее.

И на станции парень послал телеграмму. Он послал телеграмму такую:

«Я ничего. Ты ничего. Все будет неплохо».

В вагоне стали его ругать, что он не ту телеграмму послал и что надо еще телеграмму послать, получше и попонятней.

Он послал еще телеграмму. Он послал телеграмму такую:

«Ну, жалко вышло, ох...»

В вагоне опять его все ругают, что он не ту телеграмму послал и вообще он странные телеграммы шлет в его зрелые годы.

– Да нет, – говорит, – я волновался и слал все не те телеграммы. Но теперь pošлю ту телеграмму. И успокою ее.

И он послал телеграмму такую:

«Пил пиво, и вот...»

На него опять все напали. Чтоб он другую послал телеграмму. Попроще. Чтоб он объяснил, что он был в вагоне, но в этот момент его просто там не было. И пусть она не горюет.

На остановке он снова сошел и в вагон не вернулся. Наверное, выпил на станции пива и забыл, что он должен дальше ехать. А может быть, сел на встречный поезд и поехал к девушке извиняться. Или он приехал на место и дальше ехать ему не нужно.

Только он чемодан забыл – вот что плохо.

Гвоздь в столе

Мой отец пил водку, повторяя при этом, что дело не в этом. Почувствовав себя бодрым, он лихорадочно искал гвоздь, чтобы вбить его основательно в стенку, в стул или в дверь для пользы хозяйству в доме. Он мог с одного удара всадить гвоздь куда угодно. На этот раз он притащил в дом огромный гвоздь и, пошатываясь, прикидывал, глядя вокруг, где бы его пристроить. Этот гвоздь был в полметра длиной. Такого гвоздя я в жизни не видывал!

Отец стоял посреди комнаты с молотком в руке и гвоздем в зубах, повторяя сквозь зубы, что дело не в этом, в ответ на наши расспросы, куда он собирается его вбить. Он долго стоял так, насупив брови, пока мудрая мысль не пришла ему в голову. Он вдруг просиял, взял гвоздь в руки, попросил снять скатерть со стола и великолепным ударом загнал часть гвоздя в середину стола. Он имел в виду укрепить центральную ножку, которую он прибавил к столу год назад. Он уверял тогда, что стол шатался, хотя никто этого не замечал. Эта пятая ножка в столе была так же нужна, как шестая, но отец укреплял хозяйство, и никто не посмел спорить с ним. Итак, четверть гвоздя вошла в стол моментально, но дальше, как отец ни старался, гвоздь продолжал упорствовать. Сколько отец ни бил по гвоздю, он все так же торчал посреди стола, приводя всех в уныние и досаду. Отец разделся, остался в одних трусах, натянул на голову мамин чулок, чтобы волосы не мешали ему работать, и опять принялся колотить по гвоздю, но тщетно!

Отец вытер пот, оглядел меня, мать и бабушку и сказал:

- Я устал...
- Так что же делать? – спросила мама.
- Нужно вбить этот гвоздь, – сказал отец.
- И я так думаю.
- Но дело не в этом.
- Тогда его лучше вытащить.
- Его лучше вытащить, – согласился отец.

Я принес клещи. Отец тянул гвоздь клещами, согнул его, но гвоздь остался в столе. Потом я стал тащить этот гвоздь, но только больше согнул его.

- Теперь на стол нельзя постлать скатерть, – промолвила мама.
- Мы что-нибудь придумаем, – сказал отец.

Он сидел и думал, а мы смотрели на него и на гвоздь в столе. Наконец отец встал и сказал:

- Принесите напильник.

Я пошел за напильником, но не нашел его.

- Ну и дом! – сказал отец. – Ну и дом! Во всем доме нету напильника?

Он сел на стул. У него был растерянный вид. Он тер кулаком свою голову. Видно было, что хмель проходил. Голова у него прояснялась.

- Черт с ним, с гвоздем...

В это время к нам позвонили. Я побежал открывать дверь.

Пришла семья Дариков. В дверь с шумом ворвались шесть братьев дошкольного возраста. За ними гордо вкатились родители. Шесть братьев стали носиться по комнате, опрокинули стулья, разбили стекло в уборной, сдули с рояля все ноты, повывдирали цветы из горшков и вытащили гвоздь в два счета, который вбил отец.

Когда удалось собрать братьев в кучу, загнать их в угол и успокоить, мать с радостью объявила всем:

- Теперь я могу постлать скатерть на стол.
- Но дело не в этом, – сказал отец.

Любой человек в любом деле устанет

Я начал икать ни с того ни с сего. Мама дала мне воды, папа – водки, я все икаю. Мама дала помидор, папа – водки, я все икаю.

– Ой, – кричит мама, – ой, что с ним будет?

– С чего бы это?

Я в ответ только икаю.

Пришел папин знакомый. Папа к нему:

– С нашим Микой горе. Он уже второй час икает. Помогите нам, пожалуйста, в этом деле.

– С удовольствием, – говорит, – помогу. Что мне делать?

И снимает пиджак.

Что, думаю, он со мной собирается делать? И я на всякий случай встал у двери. Но он ничего не хотел со мной делать. Он просто так снял пиджак, ему, наверное, было жарко. Он повесил пиджак и говорит:

– Может, вы напугали его? И на этой почве он стал икать? И с перепугу не может понять, в чем дело?

– Вот еще, – говорит папа, – он ведь наш сын, а не посторонний. С чего бы мы стали его пугать?

Знакомый спрашивает меня:

– Ты чувствуешь, отчего ты икаешь? Или ты просто так икаешь? Не знаешь сам, отчего икаешь?

Я ответил ему сплошным иканьем.

Знакомый послушал и говорит:

– Икает он совершенно нормально. И не нужно ему мешать: пусть он икает, пока не устанет.

Тут я икать перестал.

– Вот видите, – говорит знакомый, – он устал. Я говорил, он непременно устанет. Любой человек в любом деле устанет.

Лирическое письмо

Вот какое письмо написал один очень влюбленный.

«Дорогая моя, родная!

Я пишу вам это письмо.

Вы помните тот теплый вечер? Мы пели „Летят утки и два гуся“.

Несмотря на то что мы петь не можем, мы все же пели у входа в ваш дом. Мы встретимся с вами и вместе споем. Поете ли вы сейчас? Я не пою с тех пор, как не вижу вас. Я ни разу не пел. Но если я вас увижу, я спою с вами ту же самую песню.

Это чудесная песня, и мы ее с вами споем. Но если не будет у нас желания или еще что-нибудь такое, мы не будем петь эту песню или какую-нибудь другую. Мы вообще не будем петь. Но хотелось бы.

Потому что я помню, как мы с вами пели, и хотел бы спеть еще. Песня – это великая сила, и мы непременно с вами споем. Как вы находите это дело?

Думающий о вас и тоскующий

Леопольд».

Фу-ты... Фу-ты...

Вот что случилось однажды.

Я пришел тогда в удивление. Может, в этом нет ничего такого, но как бы не так. Как сейчас, помню этот концерт. Трель за трелью звучал романс. И когда трель достигла вершины, кто-то крикнул. Крикнул так резко и так неожиданно, будто его кольнули. Никто не расслышал, что он крикнул. Это был крик не то «ой», не то «ай», не то «хей». Все повернулись в ту сторону. Он сидел в пятом ряду. Он клонил голову набок. И вроде бы спал. Глаза его были закрыты, а впрочем, может, и нет. Я точно не помню. Этот крик поразил весь зал. Никто никогда не кричит на концертах. И притом так громко. Я ни разу не слышал. Когда трель пошла вниз, он снова крикнул. Теперь я расслышал отчетливо. Он кричал «хей». Потом еще и еще и так много раз на весь зал. Все головы повернулись к нему. Трель на сцене сорвалась. К кричавшему подбежали.

– Что такое? – спросили его.

Он поднял голову и сказал:

– Ой, простите меня, фу-ты, фу-ты...

Будет суп

– Ты подожди меня здесь, – сказал мой брат, – а я сейчас.

Я остался стоять на лестнице в незнакомом мне доме. Потом мне надоело стоять на лестнице, и я поднялся наверх в коридор. Коридор был пуст. Я остановился у двери, слегка приоткрытой, и почему-то мне вдруг показалось, что брат зашел именно в эту дверь. То есть я был даже уверен в этом. Я постучал. Дверь открылась, и передо мной возник старикашка с кастрюлькой: у старика была белая борода. Он щурился – видимо, плохо видел, и ресницы у старика были белые тоже.

– Мой брат... – начал я.

– Вот вы, – быстро меня перебил старик, – пойдете со мной... вот сюда... вот... в кухню...

Он зажег газовую плиту. Посмотрел на меня как-то сбоку (я стоял у дверей кухни) и налил в кастрюльку из крана воды.

– Будет суп, – объявил старик.

– Мой брат... – опять начал я.

– Просто к слову пришлось, – сказал старик. – Сейчас я буду резать лук. Вы не хотите со мной резать лук?

– Я не хочу резать лук, – сказал я.

– Вот зря, я вам дам нож...

– Зачем мне нож?

– Резать лук.

Он вытащил луковицу из кармана, аккуратно очистил, а кожуру преспокойно сжевал и съел.

– Не рекомендуют, а я все же ем...

– Я искал брата, – сказал я в нетерпении, – он куда-то зашел...

– У меня ваш брат, – сказал старик.

– У вас?

– Зайдите ко мне, я сейчас...

Я вошел в комнату старика. Брата там не было. Я хотел выйти, спросить старика, где же мой брат, когда его вовсе здесь нет. Я дернул дверь, но она не открылась. Видимо, я случайно зашелкнул замок. Я сел на стул, оглядел комнату. На столе стоял живой гусь, привязанный за ноги к столу. Я удивился, как сразу его не заметил. В углу две теннисные ракетки. Портрет старухи в чепце. Вскоро кто-то дернул дверь.

– Я закрыт, – сказал я.

– У меня нет ключа, – сказал старик.

– Здесь нет брата! – крикнул я.

– Он на столе, – ответил старик.

– На столе гусь, – разозлился я.

– А ты не гусь? – спросил старик.

– Дурак! – крикнул я что было мочи.

Гусь заорал. Старик засмеялся.

– Ему нужно в суп, – сказал старик.

– Эй, – крикнул я, – открывайте!

Петлянье

Я не мог застать его дома. Он уходил из дома в пять утра. Старый больной человек уходил каждый день в пять утра. Куда он уходил, я не знал. Я подкараулил его в пять часов. Он как раз выходил из дома. Мне показалось, что он улыбался. Освещенный улыбкой, он прошел мимо. Я двинулся следом за ним. Он свернул за угол, прошел садик, вернулся в садик, свернул в переулок, потом в другой, потом в третий, потом обратно... Он явно петлял. Мне неясно было, зачем он петляет. Я петлял вместе с ним, чтобы выяснить это. Я все время смотрел ему в затылок. Я не видел его лица. Но я чувствовал: он петляет с улыбкой. Он сел в садике на скамейку. Я устроился сзади, в кустах. Он сидел, вероятно, час. Я глядел на его затылок. Потом он встал и опять стал петлять, и после третьей петли я уже не пошел за ним. Я решил подождать его. Он прошел мимо меня. Я наблюдал за ним сквозь кусты. Потом я испугался, что он уйдет, перестанет петлять, я его потеряю. Я возобновил петлянье.

Прошел еще час. Мы петляли. Я еле шел от усталости. Он же, напротив, шел очень бодро. Мне нестерпимо хотелось сесть. Вдруг он остановился. Взглянул на часы. Я подошел поближе. Открывали винный ларек.

- Сто пятьдесят, – сказал он твердо.
- И мне, – сказал я.
- О! – Он увидел меня. – И вы?!
- И я. – сказал я.

Каково

Он сидел в пятом углу.

– Каково вам? – спросил я.

– Никаково, – сказал он.

– Ну, а все-таки, каково? – спросил я.

– Никаково, – сказал он.

– Каково вам? – спросил я еще раз.

– Никаково, – сказал он, – мне никаково.

Фрулофф

- Я... Фрулофф Иннокентий Маевич... – шепчет Фрулофф Иннокентий Маевич.
- Заполняйте ваш бланк молча, – говорит заполняющий рядом, – вы мне мешаете заполнить.
- А вы, пожалуйста, локоть уберите, – говорит Иннокентий Маевич, – уберите-ка свой локоть со стола.
- Если я свой локоть уберу, – говорит заполняющий рядом, – как же я тогда писать буду?
- А если я шептать не буду, как же я тогда писать буду?
- Мне совсем неинтересно знать, что вы Фрулофф, – сказал Петров.
- А мне – что вы Петров, – сказал Фрулофф.
- Он видел бланк Петрова.
- Какой-то шупленький парнишка в маечке говорит:
- А может, он суфлер? Привык шептать, и все.
- Да, я суфлер, – сказал Фрулофф.
- Я, значит, угадал! – обрадовался парнишка.
- Но никто не поверил. Суфлер! Так уж и суфлер! Что еще за суфлер? Быть не может. Так уж угадал!
- Ну суфлер так суфлер. Ну, Фрулофф, мало ли... ну и бог с ним. Некоторые на него косились: суфлер не суфлер? А потом коситься перестали, раз не космонавт. И все же известного артиста даже чаще встретишь, чем суфлера. А тут этот Фрулофф... суфлер... А может, он заслуженный суфлер?
- Петров косился на Фрулоффа, все косился – взял да пересел. Раз здесь нотариальная контора, а не опера. Сел на другое место.
- Фрулофф бланк написал, очереди своей дождался и подал лист в окошко.
- Вы чего тут написали? – спросили из окошка.
- Я... Фрулофф, – начал было Фрулофф.
- В конторе засмеялись.
- Ну, а дальше? – спросили из окошка.
- И Фрулофф продолжал:
- Иннокентий Маевич...
- Да я не об этом, – сказали из окошка, – ну, а дальше-то, а дальше-то что вы написали? Вы все выдумали.
- Как это выдумал? Кто? Я?
- Не я же это писала. Не по форме у вас написано, понимаете? Да и вообще неясно.
- Как же так неясно? Я писал...
- Что вы написали, полюбуйте, – ерунду. Вот что вы написали: я, Фрулофф Иннокентий Маевич... суфлер...
- Два эф, – сказал Фрулофф. – В конце.
- «Суфлер» не надо, – продолжали из окошка. – Да будьте вы хоть кондитером или сапожником – это не имеет значения: понимаете? В данном случае это значения не имеет.
- Я? – спросил Фрулофф. Совсем уж невпопад.
- Да, да, не я же, вы! Дальше что вы написали, отдаете себе отчет? Пропустим... это же как можно! Ну что вы доверяете? Кому? Вы тут ничего не написали. Вон там под стеклом образцы, перепишите, и... У вас не по форме все.
- Как не по форме? Скажите, что неправильно, я перепишу, – сказал Фрулофф.
- Да у вас тут все неправильно. Буквально все.
- Как – все?

– Надо смотреть каждое слово, – сказали из окошка, – число сегодня какое? Идите и пишите. Хватит мне с вами. Взрослый человек. Я вам все объяснила. Все! Товарищи, помогите ему написать...

Кто-нибудь помогите, очень уже непонятливый человек попался.

Петров вдруг предложил:

– Не стоит друг на друга обижаться, право, товарищ Фрулофф. Давайте я вам напишу, если уж на то пошло.

Фрулофф долго смотрел на Петрова.

– На что пошло? – спросил Фрулофф.

– Действительно, непонятливый какой-то, а еще суфлер. Ну, что там у вас такое?

Фрулофф протянул бланк Петрову.

– Нужно взять новый бланк, – пояснил Петров, давайте я возьму.

– Я? – спросил Фрулофф.

– Ну, вы возьмите, все равно.

– Я не возьму, – сказал Фрулофф.

– Что вы хотите, не пойму? Да ну вас, ей-богу, в конце-то концов!

Петров стал раздражаться.

Парнишка в маечке сказал:

– Чего он, действительно, баламутит? Человек для него старается, а он баламутит.

Визгливо сказал, обращаясь ко всем. Но Фрулофф на него никакого внимания не обратил.

Парнишка суетился. Уговаривал:

– Напишут вам. По форме. Ну? Садитесь. Вот сюда. По форме все напишут. Ну?

Тогда Фрулофф повернулся и вышел из конторы. И тут вдруг Петров прочел, что было написано Фрулоффым. Петрова затрясло. От смеха. Он чуть не упал.

Там было написано такое...

И парнишка заглянул. Написанное Фрулоффым его удивило.

– И как это она, в окошечке-то, еще вежливо с ним разговаривала, ничего себе...

Петров сказал:

– Черт знает... слов не нахожу... ей-ей, не могу, ну и ну!

– Да разве можно с таким человеком так долго разговаривать! – не унимался парнишка.

Он выбежал на улицу и крикнул вслед Фрулоффу: – Ты что, одурел?

– Обиделся... – сказал Петров. – Ну, надо же...

– Да, может, он и не суфлер... – вздохнул парнишка.

– А кто же он?

– Ну и суфлефф... вот те суфлер... суфлер... – Парнишечка вздохнул.

Другие подошли. Прочли. И контора от смеха перекосилась.

От автора: к сожалению, меня тогда не было в этой конторе, и я не знаю, что там было написано.

Жаль...

Пристани

В возрасте пяти лет я преспокойно прошел по карнизу пятого этажа. Меня в доме ругали и даже побили за то, что я прошел по карнизу. Я убежал из дома и добрался до города Сыктывкара. Там я поступил на работу в порт. Хотя мне было всего пять лет, но я уже крепко стоял на ногах и мог подметать исправно пристань. Мне едва хватало на хлеб, но через месяц я подметал две пристани в день, затем три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Через год я подметал двести семьдесят пристаней. Мне стало уже не хватать пристаней, для меня срочно строили новые, но я успевал подмести их раньше, чем их успевали построить. Дело дошло до того, что я подметал те пристани, которые были еще в проекте и которых в проекте не было. Папаша, узнав о моих достижениях, не скрывая восторга, воскликнул:

– Молодец! Пробился в люди.

О чемодане

Две старушки беседуют на углу:

– Ну как, твой сынок уехал?

– Чемодан, понимаешь, ему купили, а он взял с собой рюкзак. Чемодан-то ему оказался не нужен, а деньги-то ведь текут... Куда теперь чемодан-то использовать? Ведь в карман не положишь – торчит в углу комнаты, весь пейзаж портит. День и ночь кошка на нем сидит. Будто для кошки его купили. Все дни чемодан у меня в голове. Чемодан, он чемоданом останется – и ничего для него не придумаешь нового. Если бы, например, стол, или шкаф, или, к примеру, диван какой, так на диване сидеть еще можно. А чемодан не пригоден к этому. Горе мне с чемоданом! Напишу Ваське: мол, приезжай, совершенно его пристроить негде. Загонит меня чемодан в могилу.

– А ты под кровать положи.

– Да ты что, с ума? Для того разве мы чемодан купили, чтобы его под кровать пихать? Упаси бог, лучше пусть чемодан на виду стоит, чем под кроватью пылится. Чего доброго, про него забудешь, так он и простоит там тысячу лет. Ничего себе ты придумала! Эдак выходит, их покупай, а потом под кровать запихивай? Спасибо тебе на здоровье!

– А ты попробуй его на шкаф. Со шкафа небось видно будет.

– Чемодан у меня ведь шире шкафа. Тогда шкаф надо на чемодан поставить. Только не принято так у людей, чтобы шкафы ставили на чемоданы.

– Так что же тебе с ним делать?

– В том-то и дело, что нечего делать. Вопрос ведь в это и упирается. Оттого и мучаюсь. Спать не могу. О чемодане все рассуждаю. Потому что ежели он не нужен, так и покупать его было не нужно. У меня во всем должен быть порядок. И чемоданы на месте, и все как положено.

– Да, тяжелый вопрос.

– А я об чем? Конечно, тяжелый. Кабы легкий был – делов-то мало. С чемоданом этим мозгами закрутишь. Поди попробуй управься. Так, глядишь, каждый себе чемоданов накупит... А к чему они? Ясное дело, что ни к чему.

– Так что же ты думаешь делать?

– Право, я и не знаю. Серьезная тема. Ну, приходи вечером, поговорим.

Я зашел бы к вам

Если бы я знал, куда открывается ваша дверь... я зашел бы к вам. Но я не знал этого.

Жена говорит:

– Пойдем сходим к ним...

А я ей говорю:

– А дверь?

Она говорит:

– Что – дверь?

– Ты знаешь, куда она открывается?

– Нет, – говорит она, – не знаю.

– Вот в том-то и дело, я тоже не знаю.

– Как жаль, значит, мы не пойдем к ним в гости.

– Нет, почему же? Мы сходим, надо только узнать заранее, в какую сторону открывается дверь.

Я тебе – ты мне

- Дай то-то.
- На, но помни, что я тебе дал.
- Дай теперь ты то-то.
- Не дам.
- А помнишь, я тебе дал то-то?
- А зачем ты дал, ты не давал бы.

Стук

Я ждал, когда нам починят крышу.
Началось это так:
БУМ! БУМ! БУМ!
Потом по-другому:
БАМ! БАМ! БАМ!
Потом:
ТРАХ! БУМ! БАХ!
Потом:
БИМ! БИМ! БИМ!
Потом деликатно:
ТИК! ТИК! ТИК!
Потом громко и долго:
БУМ! БУМ! БУМ! БАМ! БАМ! БАМ! БУМ! БУМ!
Потом удивительно резко:
ТРРРАХ! ТРРРРРАХ! ТРРРАХ!
Потом несравненно, ни с чем несравненно:
УУУУХ! УУУУУУУУХ!!
Потом выразительно:
БАЦ! БАЦ! БАЦ!
Потом витиевато:
ТРАМБАЛАМБЫМ! ТРЫМБАЛАМБЫМ!!!
Потом сумбурно:
БУМ! БАМ! ТРАМ! БУМ! БИМ! ТИК! ТРРАХ! УУУХ! БАЦ! БАЦ! ТРЫМБАЛАМ-
БЫМ!!!
Через год починили всю крышу. А я к этому времени уже оглох окончательно.

Флажки, кругом флажки

Флажки, кругом флажки, все небо в флажках, и флажками насыщен воздух. Сидит маленький мальчик среди флажков и ест флажок.

Симпатичный человек

- Приветствую вас, – сказал он, входя и снимая шапку.
- Привет! – сказал я.
- Привет! – сказал он, надел шапку и вышел. Только его и видели. Он очень понравился мне. Какой-то он был симпатичный и странный. Приятный он был человек.

Человек идет по рельсам

Человек идет по рельсам.

Блестят бликами рельсы.

Шпалы, шпалы под ногами. Рельсы идут в перспективу.

Человек идет в перспективу.

Так, так – отбивают шаги.

Пыль под ногами, пыль.

Насыпи по бокам, по бокам насыпи.

Человек идет по рельсам.

«Где конец рельсам, – думает он, – где конец рельсам?»

Там, где они сходятся, там, где они сходятся. Дождь идет на рельсы, снег идет на рельсы.

Человек идет по рельсам.

И так хорошо, и так хорошо

Когда я в жаре под солнцем, я хочу на дождь и туман.

Вот дождь барабанит мне по макушке, туман окутывает меня. В тумане мои мечты – о солнце.

На солнце мне жарко.

Пусть лучше дождь барабанит мне по макушке.

Окно против окна

Весело мне, очень весело – я смотрю из окна в окно напротив и опять вижу ее.

Я вижу ее каждый день в окно, и она меня тоже.

Утром расчесывает она волосы у окна, а я ей машу из окна рукой. Днем она улыбается мне из окна, и я улыбаюсь ей из окна.

Вечером она поет у окна, подперев рукой щеку, я смотрю на нее, подперев рукой щеку.

Между нашими окнами целая улица. Но словно нет между нами улицы – так мне кажется.

Прохожий

Прохожий идет по улице с непокрытой головой.

Мороз и снег на улице. Локти на пиджаке протерты, а воротник пиджака поднят кверху.

Взрывы бомб, плач детей, облака и любовь, цветы и солнце, горе и радость, мосты через реки, моря и горы несет в себе прохожий.

Почему я иду ать-два?

Правой ногой, левой, ать-два, ать-два!

Музыка где-то играет марш.

Ать-два! – я иду. Ать-два!

А кто знает, я и сам не знаю, я независимо от себя иду ать-два. Как я ни противлюсь, все равно иду ать-два.

Что же мне делать, раз я не могу не идти ать-два, когда рядом играет марш.

Кваканье (Мой сосед)

Мой сосед квакал. Он квакал самым естественным образом в радиопостановках. Я часто слышал его дивный голос в различных детских сказках. Квакал он прямо-таки виртуозно: «Ква-ква, ква-ква, ква-ква!» Я всегда удивлялся, как человек наострился так ладно квакать.

Он говорил мне за чаем сотни раз: «Жаль, не умею я хрюкать и лаять, а то б зарабатывал втрое больше».

Ничего тут странного не было

Ничего тут странного не было. Вася сел с пилой возле дерева на проспекте и стал пилить ствол. Люди прогуливались по проспекту. На Васю не обращали внимания. А когда дерево рухнуло, все смылись. А Вася пошел домой.

Одна старушка догнала его и спросила, к чему все это. Он сказал:

– О, здрасте, Первое мая, очень приятно вас видеть!

А потом сказал:

– Пьезонаушники пристроить к скрипке, ка-ак жмыкнешь – о, красота!

Пятно на стене

Мне показалось, я вижу пятно на стене. И в то же время я не был уверен, что пятно там действительно есть. То есть я его видел и мог бы поспорить с кем угодно, но было сомнение в какой-то малой доле. Я встал и потрогал стену в том месте, где, как мне казалось, было пятно, дабы проверить, не сыро ли здесь.

Но это место не было сырым, и я стал сомневаться гораздо больше в существовании пятна, чем до того, как потрогал стену. Я уже готов был отойти от стены, как вдруг что-то треснуло, поднялась пыль столбом, и зеленая тень легла вдоль стены. Потом тень стала розовой. На месте пятна образовалась дыра. Я разломал края этой дыры, чтобы заглянуть внутрь. Просунув голову в дыру, я понял, что обратно мне ее не вытащить.

В дыру я видел собак и кошек. Кошки вскорости побежали, а за ними также и все собаки. Видимо, начиналось землетрясение.

Молодцы

Вот где молодцы работнички! Вот где да! Вот где! Вот это да! Молодцы! Вот это они сделали! Здорово сделали! Ох, и поработали! Молодцы молодчики, молодые молодцы! Не просил их никто, никто не просил. Все сами, инициатива все, взялись сами, все сами! Вот бы все так! Вот все бы! Эх, а не все так. Не сделают это. А эти, эх и! Ну и! Ох, молодцы, ох молодчики, честные, любят работу, трудятся, эх, что там, ох и молодцы, ох и, ух ты... Так они ведь не то сделали...

Веселое настроение

– Веники продаем! Веники продаем! – кричит женщина на углу.

Полная корзина веников. Почему бы мне не купить веник?

– Дайте веник.

Я иду по улице, машу веником.

– Простите, где вы купили веник? – интересуется милая девушка.

– Как где купил, на углу купил...

Я провожаю девушку.

Она тоже купила веник, и мы вдвоем с ней машем вениками и смеемся.

Это было вчера

Нас разделяла перегородка с обоями с двух сторон. За перегородкой я слышал, как Кошкин кашлял и как смеялся, когда вычитывал в книжках смешное. Он всегда громко смеялся, читая забавные книжки. Иногда он смеялся по целым дням, с перерывами на обед. Это значит, что книжка попалась очень забавная. Он стучал мне в перегородку, приглашая с ним посмеяться. Мы сидели вдвоем на его диване и грохотали что было мочи. Мы смеялись так, что графин на столе выплескивал воду. Я не мог очень много смеяться, я тотчас чувствовал спазмы в горле и уходил к себе. Каждый раз зарекался я смеяться так сильно. Вот и сейчас, я только что лег и улеглись мои спазмы, как вдруг он опять стал звать меня, заливаясь смехом. Но я больше не мог смеяться. Он позвал меня еще раза два. Я притворился спящим.

И вдруг... Он прошел сквозь перегородку, прошел надо мной по воздуху, сотрясаясь от смеха, вошел в другую стенку, вышел из нее, нырнул в потолок и все продолжал смеяться, смеяться, потом он вошел преспокойно в пол, вышел из пола, нырнул в окно, вынырнул из окна, затем пропал на моих глазах, очутился на улице, и оттуда я слышал его непрерывный смех.

Я накрыл голову одеялом. Это все показалось мне слишком странным. Я накрыл голову одеялом и так сидел без движения, но чувствовал, что у меня дрожат колени. Кошкин звал меня за перегородку.

Я молчал.

Он снова позвал меня.

Я молчал.

– Сережа, – спросил он, – ты спишь?

– Я не пойду, – сказал я глухо.

– Ну и дурак, – сказал он.

– Ну и ладно, – сказал я глухо.

Кошкина хоронили на другой день. Он лежал в гробу с улыбкой. Его провожали с музыкой. На кладбище выступали ораторы. Хвалили Кошкина. Говорили, что зря он умер. Плакала мать его, приехавшая из Пензы. Печально смотрел в одну точку брат его из Мытищ.

На следующее утро Кошкин позвал меня из своей комнаты. Он опять над чем-то смеялся. Это меня удивило, так как он вчера умер. Я вошел к нему. Он сидел на диване и читал книгу.

– Ты же умер, – сказал я ему.

– Это было вчера, – сказал он просто.

Я жду вас всегда с интересом

Такого педагога я не встречал за все время своей учебы. А учился я много. Ну, во-первых, я в некоторых классах не по одному году сидел. И когда в художественный институт поступил, на первом курсе задержался. Не говоря уже о том, что поступал я в институт пять лет подряд.

Но никто не отнесся ко мне с таким спокойствием, с такой любовью и нежностью, никто не верил так в мои силы, как запомнившийся мне на всю жизнь профессор анатомии. Другие педагоги ставили мне двойки, даже не задумываясь над этим. Точно так же не задумываясь, они ставили единицы, а один педагог поставил мне ноль. Когда я спросил его, что это значит, он ответил: «Это значит, что вы – НОЛЬ! Вы ни черта не значите, вы не согласны со мной?» – «Послушайте, – сказал я тогда, – какое вы имеете право ставить мне ноль? Такой отметки, насколько мне известно, не существует!» Он улыбнулся мне прямо в лицо и сказал: «Ради исключения, приятель, ради исключения, я делаю для вас исключение!» Он сказал таким тоном, как будто это было приятное исключение. Этим случаем я хочу показать, насколько все педагоги не скупились ставить мне низкие оценки.

Но этот! Нет, это был исключительный педагог!

Когда я пришел к нему сдавать анатомию, он сразу, даже не дождавшись от меня ни слова, сказал, мягко обняв меня за плечо:

– Ни черта вы не знаете...

Я был восхищен его пронизательностью, а он, по всему видно, был восхищен моим откровенным видом ничего не знающего ученика.

– Приходите в другой раз, – сказал он.

Но он не поставил мне никакой двойки, никакой единицы, ничего такого он мне не поставил! Когда я спросил его, как он догадался, что я ничего не знаю, он в ответ стал смеяться, и я тоже, глядя на него, стал хохотать. И вот так мы покатывались со смеху, пока он, все еще продолжая смеяться, не махнул рукой в изнеможении:

– Фу... бросьте, мой милый... я умоляю, бросьте... ой, этак вы можете уморить своего старого седого профессора...

Я ушел от него в самом прекрасном настроении.

Во второй раз я, точно так же ничего не зная, явился к нему.

– Сколько у человека зубов? – спросил он.

Вопрос ошарашил меня: я никогда не задумывался над этим, никогда в жизни не приходила мне в голову мысль пересчитать свои зубы.

– Сто! – сказал я наугад.

– Чего?

– Сто зубов! – сказал я, чувствуя, что цифра неточная.

Он улыбался. Это была дружеская улыбка. Я тоже в ответ улыбнулся так же дружески и сказал:

– А сколько, по-вашему, меньше или больше?

Он уже вздрагивал от смеха, но сдерживался. Он встал, подошел ко мне, обнял меня, как отец, который встретил своего сына после долгой разлуки.

– Я редко встречал такого человека, как вы, – сказал он, – вы доставляете мне истинное удовольствие, минуты радости, веселья... но, несмотря на это...

– Почему? – спросил я.

– Никто, никто, – сказал он, – никогда не говорил мне такой откровенной чепухи и нелепости за прожитую жизнь. Никто не был так безгранично невежествен и несведущ в моем предмете. Это восхитительно! – Он потряс мне руку и, с восхищением глядя мне в глаза, сказал: – Идите! Приходите! Я жду вас всегда с интересом!

- Спросите еще что-нибудь, – сказал я обиженно.
 - Еще спросить? – удивился он.
 - Только кроме зубов.
 - А как же зубы?
 - Никак, – сказал я. Мне неприятен был это вопрос.
 - В таком случае посчитайте их, – сказал он, приоткрывая рот.
 - Сейчас посчитать?
 - Пожалуйста, – сказал он, – я вам не буду мешать.
 - Спросите что-нибудь другое, – сказал я.
 - Ну хорошо, – сказал он, – хорошо. Сколько в черепе костей?
 - В черепе? – переспросил я. Все-таки я еще надеялся проскочить.
- Он кивнул головой. Как мне показалось, он опять приготовился смеяться.

Я сразу сказал:

- Две!
- Какие?
- Лоб и нижняя челюсть.

Я подождал, когда он кончит хохотать, и сказал:

- Верхняя челюсть тоже имеется.
- Неужели? – сказал он.
- Так в чем же дело?! – сказал я.
- Дело в том, что там есть еще кости кроме этих.
- Ну, остальные не так значительны, как эти, – сказал я.
- Ах, вот как! – сказал он весело. – По-вашему, значит, самая значительная – нижняя

челюсть?

– Ну не самая... – сказал я, – но тем не менее это одна из значительнейших костей в человеческом лице...

- Ну предположим, – сказал он весело, потирая руки, – ну, а другие кости?
- Другие я забыл, – сказал я.
- И вспомнить не можете?
- Я болен, – сказал я.
- Что же вы сразу не сказали, дорогой мой!

Я думал, что он мне сразу сейчас же тройку поставит, раз я болен. И как я сразу не догадался! Сказал бы – голова болит, трещит, разламывается, разрывается на части, раскалывается вся как есть...

А он этак весело-весело говорит:

- Вы костей не знаете.
- Ну и пусть! – говорю. Не любил я этот предмет!
- Мой милый, – сказал он, – мое восхищение вами перешло всякие границы. Я в вос-

торге! До свидания! Жду вас!

Он с чувством пожал мне руку. Но он не поставил мне никакой двойки, никакой единицы!

- До свидания! – сказал я.

Я помахал ему на прощание рукой, а уже возле дверей поднял кверху обе руки в крепком пожатии и помахал. Он был все-таки очень симпатичный человек, что там ни говорите. Конечно, если бы он мне тройку поставил, он бы еще больше симпатичный был. Но все равно он мне нравился. Я даже подумал: уж не выучить ли мне, в конце концов, эту анатомию, а потом решил пока этого не делать. Я все-таки еще надеялся проскочить!

Когда я к нему в третий раз явился, он меня как старого друга встретил, за руку поздоровался, по плечу похлопал и спросил, из чего глаз состоит.

Я ему ответил, что глаз состоит из зрачка, а он сказал, что это еще не все.

– Из ресниц! – сказал я.

– И все?

Я стал думать. Раз он так спрашивает, значит, не все. Но что? Что там еще есть в глазу? Если бы я хоть разок прочел про глаз! Я понимал, конечно, что бесполезно что-нибудь рассказывать, раз не знаешь. Но я шел напролом. Я хотел проскочить. И сказал:

– Глаз состоит из многих деталей.

– Да ну вас! – сказал он. – Вы же талантливый человек!

Я думал – он разозлится. Думал – вот сейчас-то он мне и поставит двойку. Но он улыбался! И весь он был какой-то сияющий, лучистый, радостный. И я улыбнулся в ответ – такой симпатичный старик!

– Это вы серьезно, – спросил я, – считаете меня талантливым?

– Вполне.

– Может быть, вы мне тогда поставите тройку? – сказал я. – Раз я талантлив?

– Поставить вам тройку? – сказал он. – Такому способному человеку? Да вы с ума сошли? Да вы смеетесь! Пять с плюсом вам надо! Пять с плюсом!

– Не нужно мне пять, – сказал я. – Мне не нужно! – Какая-то надежда вдруг шевельнулась, что все-таки он может мне тройку поставить.

– Вам нужно пять, – сказал он. – Только пять.

– По-вашему, выходит, вы лучше знаете, что мне нужно?

– Но вы не отчаивайтесь! Главное – не отчаивайтесь! Веселей глядите вперед, и главное – не отчаивайтесь!

– Буду отчаиваться! – крикнул я.

– Не смейте отчаиваться, – сказал он весело, глядя в глаза, пожимая мне дружески руку. – Вам нужно приходить! Еще! Все время приходить!

– Зачем?

– Учиться!

– Я неспособный! – крикнул я.

Он смотрел на меня и улыбался.

– Жду вас! – сказал он. – Всегда! С интересом! И он поднял обе руки в крепком пожатии высоко над головой, как это делал я совсем недавно.

Густой голос Выштымова

Я с ним где-то познакомился, не помню где, да и не важно. Кажется, меня с ним Василевичи познакомили, да вы Василевичей не знаете, да дело не в этом. Вот тогда я у него и спросил, где он работает, что у него за работа и сколько он денег получает. Оказалось, он по радио вещает. Что-то там такое читает, объявляет. Да мне это и не важно было, я просто так спросил, раз познакомился. У меня своя работа, свои заботы, какое мне дело до всего этого! Да и спросил-то я его после того, как он поинтересовался, сколько я в месяц денег получаю.

Я забыл о знакомстве.

Вдруг однажды я дома сидел, жена на кухне была, а я сидел у окна, как сейчас помню: дождик накрапывал, погода такая свежая была – и вот тут я и услышал этот голос. Бесспорно, Выштымова, я сразу узнал его голос, – так интересно! Видел человека, с ним беседовал, и вот вам, пожалуйста, – по радио говорит!

Я в кухню помчался, зову жену. «Убей меня, – кричу, – если это не голос Выштымова!» Она терпеть не может, когда я громко слова произношу, некоторое нервное расстройство у нее, конечно, имеется.

Но все-таки она прибежала в комнату, в чем дело, спрашивает, а я ей с радостью на приемник показываю, – вы себе не представляете! Сам не знаю, отчего у меня такая радость появилась, знакомый все-таки человек по радио выступает! Так вот она прибежала, в чем дело, спрашивает, что такое, – она думала, короче говоря, что пожар. Ну, все так говорят, а на самом деле никто так не думает. «Да никакого пожара нету, – говорю, – голос Выштымова по радио передают!» – «Какого, – спрашивает, – Выштымова?» – «Да того самого, – говорю, – с которым нас Василевичи познакомили».

Ну, тут, правда, я от возбуждения опять стал громко слова произносить, скверная все-таки привычка! «Слушай, слушай, – кричу, – внимательно слушай! Голос Выштымова передают!» Она вдруг разозлилась и как закричит: «Плевать я хотела на твоего Выштымова! Не знаю я никакого Выштымова! Дурак ты вместе со своим Выштымовым!» У нее, оказывается (потом выяснилось), котлеты окончательно сгорели, – а я откуда знал? Да ведь и она в то время, когда слова произносила, тоже ведь знать не могла, что у нее там котлеты сгорели. Недопустимое все-таки поведение с ее стороны в таком случае.

Скандал был небольшой, но крепкий. Недолгий, я хочу сказать, но котлеты даже кошка есть не стала, – естественно, скандал. Тарелку она ударила о дужку кровати и разбила – некрасиво!

В другой раз я сидел у окна, смотрел в окно: солнце то вспыхнет, то пропадет; как солнце вспыхнет, все озарит – такая красота! Жена спала, красоты, естественно, не видела, только с работы возвратилась. И вдруг слышу я голос Выштымова! Такой густой голос, я уже говорил, представьте себе, так приятно! Совершенно точно – его! Я стал будить жену, – хорошие чувства у меня были, да и вдвоем приятней знакомый голос по радио услышать. Она никак не просыпалась, спит, черт возьми, такой здоровый, крепкий организм, я ей все повторяю: «Выштымов говорит! Выштымов говорит!» – и в бок толкаю. Надо же так крепко спать, подумать только, потом жди, когда Выштымов по радио заговорит. Я ее все толкал в бок, толкал и повторял, что Выштымов говорит, а она что-то совершенно невразумительное мне отвечает, а Выштымов вот-вот кончит говорить. И вдруг она встает с постели и со всей силы бьет меня по лицу и снова ложится. Как ни в чем не бывало, как будто ничего не произошло. Ни с того ни с сего – представьте себе! Я удивился, а она мне даже отказалась прокомментировать свой поступок, объяснить все по порядку. Женщины, конечно, очень загадочные существа, загадочные люди, я всегда говорил. Как там поется: «Частица черта в нас заключена подчас!» Совершенно точно! До чего верно подмечено!

Мы с ней после этого инцидента три дня не разговаривали, я у ее матери ночевал, она мне тещей приходится, все ей, как есть, рассказал, так она дочку свою осудила. Не все женщины такие. Не все одинаковы, кому какая попадется, раз на раз не приходится, гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится. Сойдемся еще, думаю, никуда не денемся. Между прочим, когда я у ее матери проживал, я там тоже услышал голос Выштымова, внезапно тоже все произошло – вдруг слышу! Я как заору: «Вот он, ей-богу, он!!!» Так бабка испугалась, вот потеха, чуть в обморок не упала – надо же! Да все они одинаковые, ей-богу, стала меня крыть на чем свет стоит: мол, теперь она своей дочке сочувствует, теперь она ее хорошо понимает.

Я вернулся к жене, она в это время как раз ужин готовила. А я сел у окна, вечер такой был чудесный, ветра не было, слегка, правда, душно, и вот слышу я голос Выштымова.

Сначала хотел радио выключить – опять, думаю, разные неприятности начнутся, не успел вернуться, а снова голос Выштымова звучит, пусть себе выступает, главное, чтобы жене не напоминать; сижу и слушаю – великолепный голос, бархатный, глубокий, да я об этом уже говорил.

Жена входит в комнату, садится, все время вздыхает, молчит, и я молчу, про Выштымова ей ничего не говорю. Стал тоже вздыхать: как-никак три дня где-то болтался, она где-то болталась, неизвестно еще, где она болталась...

Разные мрачные мысли мне в голову полезли, а Выштымов в это время рассказывает о каком-то заводе, и вдруг я слышу, рассказывает он о моей жене, перечисляет ее передовые опыты, всю хвалит, последние известия передает.

Я, естественно, смотрю на нее восхищенно раскрытыми глазами, она у меня молодец баба, все время грамоты получает, дельная такая, толковая, мировая баба, даже Выштымов о ней по радио передает! И я ее тогда спрашиваю:

– А знаешь ли ты, кто говорит?

Она резко встает и уходит неизвестно куда. А на кухне оставляет записку: «Я не желаю жить с сумасшедшим».

Гонора у нее много, тем более по радио похвалили, надулась, как пузырь, а ума-то ни на грош, бестолковая, можно сказать, баба, пустая, как чурбан!

Я ее жду, а она не приходит: наверное, живет у своей матери и разные там поклепы на меня наводит, наговаривает. Женщины, они все одинаковы, да я уже об этом говорил, простите, что повторяюсь.

У меня тоже гордость своя, не буду же я за ней бегать, как собачонка какая, чего я буду за ней бегать, с какой стати, тем более меня сумасшедшим назвала, а я ее никак не обзывал.

И вот я сижу как-то у окна, был закат, люди красные ходят, небо красное такое. Входит она, а в это время как раз Выштымова стали передавать. Я его сейчас же выключил. Да ну его.

А она, представьте, подходит и включает, – вот не ожидал! Ну, думаю, если ей нравится...

Ну, а ей говорю:

– Это ведь Выштымов выступает.

Она подходит ко мне, на ней лица нет, и бьет меня продуктовой сумкой по голове.

Я в отчаянье кричу: зачем же она тогда включает радио, если ей Выштымов не нравится, на что она мне ничего не отвечает, а только хлопает дверью. Загадочные все-таки существа эти женщины, а?

Теперь дальше. Сижу у окна, погоду я уже не помню, да и не так уж важно, сижу, значит, слушаю голос Выштымова, как вдруг она входит, а я, естественно, бросаюсь, выключаю моментально радио.

Она его тут же включает, и тут уж я ничего понять не могу, провалиться мне на этом месте!

И вдруг она, представьте себе, заявляет мне, что она не может слушать мой голос, а не Выштымова.

После чего я надеваю шапку и ухожу. А на кухне оставляю записку: «Я не желаю жить с сумасшедшей».

Мне очень не хочется идти к ее матери, она там про меня кучу разных гадостей наговорила, я знаю, но все-таки иду – куда же я еще пойду! Ее мать (симпатичная, между прочим, женщина, вот все были бы такие женщины!) соглашается со мной, что, как бы там ни было, что бы ни произошло, ни в коем случае нельзя бить продуктовой сумкой по голове.

В это время по радио говорит Выштымов, но я ей об этом не говорю.

Ее мать, моя теща, такая восхитительная женщина, заставляет меня вернуться, и якобы она договорилась с дочкой по телефону, хотя, как потом выяснилось, она ни о чем с ней не договаривалась.

Возвращаюсь. Вхожу в свой дом. Как всегда, по радио говорит Выштымов. Но я ни слова своей жене не напоминаю.

И жена, довольная, поет песню: «Давно мы дома не были», все идет нормально, хорошо, жена идет на кухню, делает голубцы; а я сижу у окна – паршивая была погода, ветер: окно, правда, закрыто, но все равно смотреть неприятно.

Жена входит с голубцами и спрашивает:

– Ты слышишь, кто говорит по радио?

Я вздрагиваю, но молчу. А жена говорит:

– Твой Выштымов говорит.

И так спокойно заявляет, как будто ничего никогда не происходило, ничего не было, ни в чем Выштымов не виноват. Ей, значит, можно произносить эту фамилию, а мне нельзя.

Почти в то же время звонит по телефону теща и удивительно радостным голосом сообщает, что только сейчас по радио говорил Выштымов.

Я подразумеваю, что надо мной специально издеваются, надеваю кепку и ухожу куда глаза глядят, к своему товарищу Василевичу.

Василевич мне сообщает, что по радио говорит Выштымов, и я от него ухожу.

Я стою на вокзале, чтобы уехать от Выштымова, от всех, кто связан с ним. Но на перроне по радио говорит Выштымов, и я понимаю, что он будет говорить в вагоне, везде и всюду, куда бы я ни уехал.

И я возвращаюсь домой привыкать к его голосу, раз все уже привыкли.

Художник

Зачем я ему был нужен, я не мог понять.

– Я был бы очень признателен вам, – говорил он мне по телефону, – если бы вы посетили мою выставку офортов и монотипий в зале для игры в мяч во Дворце культуры.

Мы с ним когда-то учились в художественном училище – не то он был старше, не то я был старше, я его не очень-то хорошо помнил: мы с ним на разных курсах учились.

Зачем я ему все-таки был нужен? Но, видно, я был ему просто необходим, раз он мне по нескольку раз в день звонил, когда меня дома не было.

Потом он поймал меня; не очень-то хотелось мне ехать на его выставку, дел у меня по горло было, но я все-таки поехал – он бы от меня не отстал, я это сразу понял.

Он встретил меня у двери.

– Я всех своих старых приятелей приглашаю на свою выставку, – сказал он.

Я никогда не был его приятелем. Мало того, я понял, что никогда не видел его и никогда не учился с ним в одном училище. Он совсем другой человек, не тот, за которого я его принял по телефону.

– Почему вы считаете меня своим приятелем? – спросил я его мягко.

Он молча и торжественно раскрыл передо мною книгу отзывов. Попросил подумать, перед тем как написать отзыв о его картинах. Он, разумеется, хотел, чтобы я написал ему туда слова лестные и приятные. Но я не смотрел еще выставку. А это, видимо, его не интересовало. Он протягивал книгу с улыбкой, и опять-таки я не мог понять, зачем ему мой отзыв. Я не представитель Министерства культуры или Академии художеств, не имею влияния в художественных кругах, не имею приятелей в этих сферах, не имею влиятельных родственников и ни в коей мере не мог бы способствовать успеху его творчества или, в крайнем случае, устроить выставку его работ вторично. Я сам, в конце концов, рисую этикетки на различные коробки для нашей пищевой промышленности, ни разу в жизни не выставял своих произведений, которых, кстати, у меня и нет.

Я прошелся по залу. Работ было много. Все стены были завешаны работами. Если это только можно работами назвать. По моему мнению, здесь была бессмысленная трата времени. Глуповатый модерн, рассчитанный на количество. Я подивился энергии, направленной не в ту сторону таким молодым человеком. Он в люди выбивался любым способом; странное все-таки занятие – в люди выбиваться любым способом.

– Послушайте, – сказал я, – разве мы с вами знакомы?

Он обнял меня. Я попробовал отстраниться, но было поздно. Он цепко обнял меня и сказал:

– Мы с вами встречали Новый год.

– Когда?

– Это было давно... Там было много народу, вполне возможно, вы меня не помните. Вы сами изменились до такой степени, что вас не узнать. Я бы вас ни за что не узнал, встретив на улице, – совсем другой человек! Но этот факт не мешает вам способствовать моему успеху.

– Мы способствовать? – спросил я.

– Вы – мне, – сказал он, улыбаясь.

– Какая-то ошибка, – сказал я, – какая-то путаница...

Он стал стыдить меня.

Он сразу перешел на «ты»:

– Ведь ты мне обещал!

– Я не обещал, – сказал я.

– Когда мы встречали Новый год, – сказал он. Он наступал на меня, я отступал, а он говорил:

– Тогда вы много выпили, и вы говорили... ваша поддержка... всегда... и всюду... от вас... мы... дружба, поддержать... во что бы то ни стало...

Я, наверно, должен был уйти. Все это выглядело странным. Конечно, я должен был повернуться и уйти.

Но что-то останавливало меня, хотелось выяснить.

– Вы действительно уверены, что мы с вами знакомы? – спросил я.

Он опять кинулся на меня с объятиями, но на этот раз я отстранился, и он чуть не упал.

Вполне возможно, думал я, мы с ним встречали Новый год в какой-нибудь компании и он меня не так понял. Но это не значит, черт возьми... с какой стати?! И между тем мне было интересно. Зачем ему книга, мой отзыв зачем? Ну, книга еще туда-сюда, тщеславный парень, но мой отзыв ему зачем? Да что мне, жалко, в конце концов!

– Давай книгу, – сказал я, – давай...

И я сразу же, с ходу, написал ему размашисто на всю страницу:

«НИЧЕГО ПОДОБНОГО Я НЕ ВИДЕЛ НИ В ОДНОЙ СТРАНЕ».

Я положил ручку на стол и сказал:

– Только я не был ни в одной стране, вот что плохо...

Я даже, кажется, хихикнул после этих слов.

Он сразу резко изменился в лице. Бедняга, он придавал колоссальное значение моему отзыву!

Он разглядывал мою подпись. Шевелил губами и был чертовски сосредоточен.

Потом он взглянул на меня.

Глаза его блеснули недобрым холодным блеском. Этого мне не хотелось. Можно было бы с ним поговорить. Покритиковать его выставку, его неправильные понятия. А он зло и холодно смотрел на меня, а потом сказал:

– Нам больше не о чем разговаривать.

– Ну, не о чем так не о чем, – сказал я.

Я с ним то на «ты», то на «вы» начал, впрочем, и он тоже. Глупости сплошные, оторвали от работы и еще разговаривать не хотят...

Я к нему хорошо относился. Ко всем я хорошо относился. Никогда ничего плохого я к нему не имел. Никогда я его не знал раньше и не видел. Монотипии и офорты, в общем, в порядке вещей. Ерундовые, правда, работы, но человек же их делал, а не обезьяна, непременно там есть что-нибудь хорошее, если их человек делал, если повнимательней, душевней отнестись, хотя, безусловно, такие работы обезьяна тоже может сделать...

Я хотел похлопать его по плечу, успокоить, но он вырвался, отбежал в конец зала и оттуда крикнул:

– Ы-ых! – поднял вверх кулак. – Вы не Федоров! Вы – другой!

А почему он решил, что я Федоров?!

Красные качели

Канитель Сидорович вставал в пять утра, шел в лес за грибами. В семь утра он клал их на стол молча и тихо. Жена его Аделаида Матвеевна вставала в семь утра, всплескивала руками при виде грибов и восклицала:

– Фу-ты, господи, опять!

Она имела в виду, что ей придется опять чистить грибы, жарить или варить. А это нужно было делать так или иначе.

После грибов Канитель Сидорович шел в сад и там мастерил качели для сына.

Потом шел на работу.

Дом стоял на развилке дорог, двухэтажный и нелепый. Больше в округности, близко, не было домов. В доме кроме семьи Канителя Сидоровича народу было много – разные семьи и одинокие. А там за дорогой начинался поселок, и странным казалось, отчего выстроен здесь дом, словно случайно.

Канитель Сидорович по дороге на работу думал: «Люди только еще идут по делам, а я уже дело сделал: уже, можно сказать, накормил семью завтраком, грибов добыл, провизию добыл. Вот жена там сейчас грибы чистит и кидает в синюю кастрюльку». Он почти физически ощущал, как грибы стучаются о дно кастрюльки один за другим, не целые грибы, а куски грибов, срезанные ножом, такие замечательные грибные ломтики.

Канитель Сидорович шел на работу по дороге, и на душе у него было спокойно. И даже чувствовалась уверенность в себе, но и некоторое однообразие тоже чувствовалось.

Тогда мысли его перекидывались на качели, и однообразие каждодневное рассеивалось, и улыбка обозначалась на его лице. Качели еще оставалось немножко доделать. Они выйдут добротные, крепкие, доски попались отличные, отменные доски. Пусть себе сын качается на них с соседскими детьми, жалко, что ли! Пусть добрым словом поминают Канителя Сидоровича.

Имя такое ему в поселке дали люди. Не припомнить сейчас, кто первый его так назвал. А на самом деле звали его Павлом, да только никто его так не звал, и он не обижался.

Канитель Сидорович шел с работы к качелям, а соседи, глядя, как он там возится под деревьями, говорили: «Опять канителит!» Он слов не слышал, да если бы и слышал, из этого ничего бы не вышло. Слова его не обижали (хоть какие), они для него все равно что ноль значили, мало кто чего скажет.

Работал он в поселковом магазине продавцом, его каждый знал. Да и как не знать, если каждый к нему обращался за покупками. Отпускал он медленно, чем даже в раздражение некоторых приводил. Может быть, прозвище оттуда и пошло, а может, не оттуда.

Он стоял за прилавком, отпускал товар и в это время ничего не думал постороннего, а только что положено: считать, сдачу давать, на весы смотреть. Да иначе оно и быть не могло, раз работа такая, да народу тем более полным-полно, на весь поселок магазин единственный. Правда, еще директор был, он тоже иногда товары отпускал, да только директор – он директор и есть, не будет же денно-нощно стоять за прилавком. Иногда ругал он Канителя Сидоровича за его нерасторопность, бывало, скажет: «Да пошевеливайся ты, мать твою! Как в гробу ворочаешься». Насчет ворожания в гробу – любимое директорское выражение, образно, конечно, выразительно, выпукло. Канитель Сидорович начинал смеяться тоненько и долго, слыша такое по своему адресу, и головой мотал, показывая, что он восхищен директорскими словами. А вообще на слова он внимания не обращал, как было сказано.

Про слова директорские он жене рассказывал и стал смеяться, а она махнула рукой, да ну тебя, мол, не до тебя, и ушла за водой, а он долго еще смеялся, и сын подошел к нему и стал тоже смеяться долго и от души.

Выдался самый веселый вечер, веселее, пожалуй, и не было, если не считать одного вечера, когда он со смеху покатывался, узнав, что жена утром грибы на столе искала, да и не нашла, а он в этот день ни одного гриба в лесу не нашел. Иногда хоть один гриб да найдет, а тут ни одного.

Надо сказать, Аделаида Матвеевна все в доме делала справно, по хозяйству хлопотала ревностно, только на грибы сердилась (столько, мол, грибов каждый день!), а на самом-то деле не сердилась, а только перед соседями показывала, вроде ей грибы надоели.

Канитель Сидорович с работы шел прямо к качелям, а потом уж ел.

Качели были готовы, но чего-то недоставало в них. А чего, он не знал, и это так ему запало в душу, хоть помирай. Он качели со всех сторон рассматривал, ходил вокруг и голову вбок клонил, не хватало чего-то... не хватало, а чего не хватало – бог знает!

И вдруг однажды душа его озарилась непонятым доселе светом, новой радостью, – а пришла ему мысль покрасить качели в красный цвет. У него на глазах даже слезы появились от этой мысли. Представил он себе, как будут сверкать качели красным цветом среди зелени деревьев и кустов. Именно этого как раз и не хватало. Да и вправду было бы красиво. Встала перед ним только проблема краски. В поселковом магазине такой краски не было, кое-какая там была краска, но не та вовсе, какая ему представлялась. А представлялась ему краска яркая, такая красная, красней которой и быть не может.

В ту ночь ему снились разноцветные качели, и в крапинку, и в полоску, и в яблоках, и другие. Они медленно проплывали, как лодки, и все плыли и плыли по реке, а в каждой сидело по сыну. Качели были разные, а сын был один и тот же, его сын...

В воскресенье он не пошел за грибами, наверное, впервые за много лет не пошел в самое грибное время, а поехал в город за краской. И жене не сказал зачем, а якобы за грибами.

Он привез краску в полдень, и жена удивленно смотрела на него, когда в дверях появился он с большой банкой.

Он поставил банку на пол, лицо его светилось радостью, а сын стал катать банку по полу в восторге.

И все обыденное перемешалось и спуталось, и не было грибов на столе. А жена была уверена, что это банка тушенки, и смекнула сразу же, что неплохо было бы мясо с картошкой перемешать, раз грибов нет...

Солнце било сквозь деревья на качели. Канитель Сидорович красил их, и они покачивались со скрипом. Качели загорались на солнце, и было радостно. Сын стоял поодаль, наблюдая за отцом восторженно. А мать сидела тут же на траве. Испытывала она тревожное чувство: не было утром грибов на столе, и что-то изменилось, значит.

Появилось торжественное и цветное...

Веселые ребята

Телевизор не работает, вечер пропащий, настроение низкое, пью чай, смотрю в окно, мечтаю вторично жениться.

Звоню в телевизионное ателье на другой день, спрашиваю техника, интересуюсь, почему он вчера не пришел, а он мне весело отвечает, что перепутал мой адрес.

– А вы больше не перепутаете? – спрашиваю.

– Любой человек может перепутать, – говорит он весело, – вы что, никогда ничего не путали?

– На всякий случай я напомним вам адрес, – говорю.

– За кого вы меня принимаете? Если вы будете во мне сомневаться, я к вам вообще не приду.

Я испугался.

– Ладно, ладно, – говорит, – не бойтесь, приду.

– Когда?

– Когда будет время.

– Видите ли, – говорю, – у меня такое положение... Я не женат, один... меня дома не бывает...

– Не хотите ли вы, чтобы я вам невесту подыскал? – смеется.

– Видите ли, я вчера отпросился с работы... вас ждал... а вы... э... как бы вам объяснить... не пришли...

– Я приду, – говорит он весело.

– Видите ли... я сегодня тоже с работы отпросился...

– Ваша работа меня не касается, мой дорогой!

– Так я для того сказал, чтобы вы... эээ... поняли... что я с работы отпросился.

– Что же, по-вашему, я ничего не понимаю? Не меньше вашего понимаю. Не понимал бы, так меня бы на такую работу не посадили. Ясно? Эх, вы, товарищ дорогой! У вас своя работа, у меня своя. Вы на своей работе – я на своей. Вы за свою работу отвечаете – я за свою...

– Совершенно справедливо... Я, видите ли, к тому клоню, что... э... как бы вам объяснить... я один в том смысле, что никого нет дома.

– Вот и женитесь, раз никого дома нет. Жена будет дома сидеть, и телевизора не надо.

Смеется.

– Я... эээ... имею в виду, когда, в какое время ждать вас?

– Вы, мил человек, или не понимаете, что такое «жди», или притворяетесь?

– Довольно растяжимое все-таки понятие... эээ... разве нет?

– Да что вы все «э» да «э», неужели непонятно?

– Я хотел, простите, только спросить: сегодня ждать или завтра?

– Факт, завтра! А сегодня вы еще жениться успеете!

Смеется.

На всякий случай напоминаю ему, что завтра я в третий раз с работы отпрошусь, а он в ответ продолжает смеяться.

Весь следующий день сижу дома, но он не появляется.

Иду сам в ателье, в четвертый раз отпросившись с работы.

– Где он? – спрашиваю.

– По домам ходит, – отвечают.

– Что-то у меня дома его ни разу не было.

Они смеются.

– Может, он сейчас к вам пришел, а вы к нему пришли...

Я кричу:

– У нас новый район, и обслуживание должно быть новое, на самом высоком уровне!

Просто с ужасом на них смотрю, вот-вот засмеются.

– Идите себе домой, он, наверное, вас сейчас возле дверей дожидается...

– А если его там нету, что тогда? Что тогда должен я с вами сделать?!

Они смеются.

– Всякое бывает, товарищ, сами знаете, всякое бывает...

– Очень странно, – говорю, – видеть вас смеющимися на рабочем месте... Я один, и мне трудно...

Они смеются:

– У некоторых по восемь человек детей, им нетрудно, а вы один и вам трудно? Давно бы сюда притащили ваш ящик, чем портить нам настроение.

– Никакой возможности нет тащить ящик мне одному. Я уже объяснял вашему товарищу технику, что с некоторого времени не женат и в силу этого ежедневно отпрашиваюсь с работы...

– У вас одного почему-то все не в порядке, вон у него тоже на прошлой неделе жена в армию ушла... Покажись-ка, Алеша, товарищу заказчику...

– Что вы чушь несете!

Они смеются.

– Безобразие, и больше ничего!

– Кричите себе на здоровье! Вы нам телевизор покажите, мы его починим. А то дома сидит, а мы знать должны, что у него там творится. Вон, гляди, бабка приемник принесла. Сама небось тащила, бабуса?

– Сама, родненький, прохожий помог...

– Молодец, бабуса! Прохожий молодец! Человек человеку друг, товарищ! Верно, бабка? Гляди, старуха дряхлая сама притащила, а ты в сто раз здоровей, притащить не можешь, дома сидишь.

– У вас же объявление висит... реклама: черным по белому... то есть красным по белому... не в том суть... звоните, мол, звоните...

– Мало ли что там написано!

– Как это?

– Да что вы все удивляетесь, гражданин хороший? Давай, бабка, приемник, золотая бабуса, небось пережгла? А вам стыдно, товарищ!

Смеются.

– Ишь ты, лодырь какой, – кричит бабка, – трудиться не хочет!..

– Так ведь объявление-то висит, – говорю.

– Я неграмотная, – говорит бабка.

– Но мы-то люди грамотные, – говорю я.

– Больно все грамотные стали, – говорит бабка.

– Правильно, бабуса, так его!

Смеются.

– Ну знаете... – говорю.

– Знаем, знаем. – Смеются. – Нас не хочешь слушать, старого человека послушай, больше тебя на свете старая прожила, не меньше тебя в жизни разбирается.

– Я бы таких заказчиков на порог не пускала! – говорит бабуса.

– Позвольте вас спросить, бабушка, с чего вы так на меня напустились, разве я не прав?

– Смотри, а то милиционера позову! – говорит бабуса.

– Да ну вас, бабушка, – говорю, – или вы вовсе ничего понять не хотите, или попросту ничего не понимаете...

– Ты мать не оскорбляй, – смеются ребята.
– Сынки меня в обиду не дадут, – говорит бабуся.
Они смеются.

– Вот твой спаситель как раз идет, бери его в оборот, а от нас отвяжись, бога ради, поскольку у тебя никакого телевизора с собой нету.

Вижу: входит в ателье молодой парнишка с чемоданчиком, лицо как из гранита высеченное, волосы торчком, и смеется.

Ребята кричат ему со смехом:

– Тебя тут ждут!
– Я к вашим услугам, – говорит он смеясь.
– Что же вы, мил-человек, к моим услугам до сих пор не были, – спрашиваю я печально.
– С какой такой стати? – смеется.
– А с той стати, – говорю, – что вы обещали, припоминаете?
– А-а-а! – говорит. – Очень приятно вас видеть, еще не женились? Никак не управлюсь, прошу прощения, один на весь район, а вызовов много, народ требует, очень приятно вас видеть!

– Не могли бы вы, – говорю, – сейчас пойти со мной телевизор починить?

Он обнял меня и смеется:

– А знаете, какой у меня день сегодня?

– Какой?

– Такой день раз в жизни бывает: человеку – двадцать пять лет! Знаете, с каким человеком я в один день родился?

– С каким?

– Неужели не помните? С Ломоносовым в один день родился.

– Поздравляю, – говорю, – от души вас поздравляю!

– Молоток, что нашел меня в такой день, сам понимаешь, ни по каким вызовам не хожу.

Ну что тут возразить? Не хватает еще вступать в пререкания с человеком, родившимся вместе с Ломоносовым! Незатейливая песенка всплывает в памяти: «...только раз в году...», у всех на виду в этот день играют на гармошке невзирая на лица. Я его понимаю. Нервы мои не выдерживают, и я плачу... Сморкаюсь в платок. Я устал. Нежность к людям, к себе самому переполняет меня и вызывает слезы.

– Слышь, брось реветь, – слышу я отзывчивый голос сегодня родившегося, – испортился, значит, телевизор, говоришь? А я думал, приемник у тебя испортился. Так бы и сказал, что телевизор, а то чуть было не те инструменты захватил... Главное, нас с Ломоносовым не забывай!

А главное – смеется!

Приходим.

Он хлопает меня по плечу, по-дружески, со смехом, с такой силой, что я падаю.

Встаю.

Ставлю обед на плиту.

Он открывает чемоданчик с инструментами, но чемоданчик каким-то образом вырывается у него из рук, и все оттуда сыплется на пол, гремит, катится, закатывается, а он смеется.

– Всякое бывает, – говорит он, долго ползает по полу, а я ему помогаю.

– Да ты тут не вертись, – слышу я его веселый голос откуда-то из-под тахты, – ты не торчи перед моими глазами, я этого не люблю.

Я отхожу, покорно стою в сторонке, смотрю, как он ползает, жду.

Наконец он собирает инструменты, подходит с какой-то штуковиной к моему телевизору.

– В такой день, – говорит он, – можно себе позволить все.

Я невольно сказал:

– Только прошу вас, осторожней...

– Знаете, – сказал он весело, – после ваших слов я могу взять свои принадлежности и уйти. Я уйду, и попробуйте вы потом меня добиться...

– Обед скоро будет готов, – сказал я, бросившись наполнять рюмки.

– Я вам делаю одолжение, – сказал он, – став в какую-то дурацкую позу, – я вам любезность делаю, так?

– Так... – сказал я.

Он выпил рюмку, сел около телевизора и произнес целую речь:

– Моя любезность не знает границ! Как товарищ – я золото. Как мастер – золотой. Между прочим, я работал на заводе, где собирал, да будет вам известно, такой вот марки телевизоры, как ваш. Я могу вытащить у вас из телевизора одну штучку, а другую утопить... (Боже мой!). Я могу так переделать ваш телевизор, что ни один механик в мире не сможет понять, в чем дело! (Он весело смеется.) Я могу ваш телевизор разобрать до мельчайших подробностей, а потом собрать в прежнее монолитное целое! И могу его так разобрать, что ни одна душа не сможет его собрать. Но могу и устранить дефект, починить, отремонтировать, и он будет работать как новый! Выбирайте любое. А вы знаете, я могу сделать так...

– Ради бога... – сказал я.

Он выпил еще рюмку, снял крышку с телевизора и ткнул в какую-то деталь какой-то своей деталью.

И в этот момент раздался взрыв. Клубы дыма поднялись кверху, и мы закашляли, и что-то покатилося по полу, повертелось и выкатилось к моим ногам.

– Что-то взорвалось, – сказал я робко.

И в ответ услышал его веселый голос:

– Не беспокойтесь, весь он не взорвется.

– А что там взорвалось? – спросил я.

– Видите ли, – сказал он, – это пока неизвестно.

– И вам неизвестно?!

– Мне известно, но не совсем.

– А кому известно? – спросил я испуганно.

Я открыл форточку. Пахло ужасно.

Он вышел ко мне из дыма. Положил мне руку на плечо. Чихнул, икнул, зевнул и кашлянул. После чего сказал весело и уверенно:

– Привозите его к нам. Мы уточним причину взрыва.

– Один вопрос, – спросил я. – Почему вы все беспрерывно смеетесь?

Он взглянул на меня, засмеялся и сказал:

– Молодые ребята, вот и смеются.

– Веселые ребята, – сказал я.

– Во-во, – сказал он, – точно!

Книга отзывов

В этот день я был так занят, что целый день не ел. Я даже забыл, что мне нужно поесть. Только к вечеру я забежал в столовую пообедать. Я съел подряд два супа, не замечая вкуса, и два вторых. И тут мне подсунули эту книгу.

– Что это? – спросил я, не поняв, в чем дело.

– Это книга, – сказали люди. – Будьте добры, напишите.

Я оглядел их. Это были работники столовой.

– Что написать? – не понял я.

Работники столовой улыбались. Они улыбались как ангелы и как подхалимы. А один улыбался как кашалот.

– Напишите отзыв, – просили они. – Мы очень вас просим.

Я немножечко удивился и спросил:

– Почему же именно я должен его написать? Или вы каждому так говорите?

– О! – воскликнули четверо хором. – Вы с таким аппетитом ели наш суп... Только вы можете написать!

– Гм!.. – удивился я еще больше. – Вы так думаете?..

– Не только мы, – обрадовались они. – Все так думают. Все смотрели на вас, как вы ели суп.

– Почему? – удивился я еще больше.

– Потому что вы ели суп с аппетитом. У нас редко кто так ест. За последние пять лет никто не ел с таким аппетитом.

– Гм!.. – удивлялся я все больше. – Как странно. Но они не дали мне размышлять. Открыв книгу, они сказали:

– Факт зафиксирован нами. Ели вы с аппетитом. Отпираться тут бесполезно. Вся столовая видела это. Свидетелей сколько угодно. Так что напишите факт и распишитесь.

Работники обступили меня. К ним подошло подкрепление. Теперь их уже было много. Их стало около десяти. Они окружили меня кольцом и уже не просили, а требовали.

За их спинами были зрители. Лица зрителей говорили о том, что они могут всегда подтверждать, что я ел с аппетитом. Они пялили на меня глаза. В них сквозили удивление и восторг. Они восторгались моим аппетитом и удивлялись вкусу.

Поглядев вокруг, прижатый, избалованный, я вынужден был написать: «Я с аппетитом ел суп и котлеты».

Книгу буквально схватили и унесли как великую ценность. Повар вышел взглянуть на меня. Он прищурился и сказал:

– Еще вздумал ломаться, писать не хотел, сукин сын!

Как его фамилия?

Я учился в Академии художеств с этим вместе, как его?.. ну, все его знают... фамилию забыл... Он всегда вот так, сбоку со своим мольбертом стоял, поодаль, волосы у него курчавые были, это сейчас он лысым стал, как его?.. фу-ты, ну этот, ну как его?.. Раньше всех, бывало, нарисует, подмалевок сделает, а мы еще только начинаем. Все курсы – похвалы совета, поощрения, поклонения. Так вот я с ним вместе учился, да его теперь каждая собака знает. В культурном мире этот, как его?.. эх, как его?.. запамätовал... забыл его фамилию... Вместе, помню, поступали, я первым поступал, а он вторым. За мной шел. Футы, черт, как его фамилия, совершенно забыл! Да все его знают, синий цвет в его живописи преобладает наряду с зеленым. Рисовал он здорово, а живопись у него шла слабей. Но все равно пятерки ему ставили за то, что живопись на рисунке держится. Каркас, мол, есть, основа и скелет. Он, как диплом защитил, сразу в гору пошел. Остановить его никто не мог. Еле ходит сейчас, толстый стал, лысый, кошмар! Я имею в виду, шишка на ровном месте, да черт с ним! Как его фамилия-то?.. вот память, а? Выставка его была: сплошное синее в глаза бьет в сочетании с зеленым. Синька, я имею в виду, в сочетании с черт знает чем! Вместе поступали, потом только меня выгнали. Вместе кефир, помню, пили, а как фамилия – забыл. Да его все знают, а я забыл. Вместе пирожков, помню, накупим и сидим едим. Сахарный песок в воде разболтаем и запиваем. А сейчас он ишь ты! Как его фамилия, вот вспомнить не могу!.. Потом вспомню. Вот так и бывает: со знаменитым человеком, можно сказать, рядом стоял, мольберты соприкасались, в одну столовую ходили, мало того, в одной комнате жили, он однажды луковицу у меня из тумбочки стянул, а я у него – сыр. Тоже мне – великий! А сейчас ходит как барон, тьфу, никак не могу его фамилию вспомнить. Рисовал он хорошо, неплохо рисовал, это верно, это, положила руку на сердце, можно во всеуслышание сказать, не кривя душой, а живопись вот – синяя! Меня когда выгнали, я в Союз художников не стал поступать, очень надо, чтобы меня кто-то там принимал! Экспериментальных работ у меня на чердаке навалом. Буду экспериментальной живописью заниматься, а признание придет. А этот... как его?.. не могу его фамилию вспомнить... Я его синие работы видел – дрянь, только на рисунке и держится. Мне жена говорит: занимайся чистым искусством, чистым творчеством, прославишься, вставим на кухне стекло, а то дует невозможно. А этот, как его?.. фамилию забыл... чего из себя строит, непонятно! Я днем сам себе предоставлен, а вечерами рабочим сцены работаю, поближе к опере, к артистам, к вокалу, к хореографии. Экспериментальных работ у меня на чердаке навалом. Буду экспериментальной живописью заниматься, а слава меня сама найдет! А этот, как его?.. как он там?.. этот-то... тоже мне! А сценическая моя работа отличная. Сидишь себе, встал, декорацию взял, отнес или пронес – вот и вся работа. Носи себе взад-вперед, а то вовсе не носи, сиди да смотри, как другие носят. Или где-нибудь прикорнешь за лесочком намалеванным и храпишь, как на природе. Встанешь весь в пыли и целый час чихаешь. Словно тройка лихая тебя пылью обдала. Так и пронеслась с колокольчиками во весь дух. Живешь, короче, среди лесов, дорог, дворцов, садов, чистого ясного неба и колосающегося поля... Все это есть. Для художника фантазии непочатый край, и поразмыслить можно и пофантазировать. Я бы все эти декорации левой ногой, как говорится, написал бы, да лучше я не буду их писать. Я буду их таскать. А этот, как его?.. фамилию его я все-таки вспомню... хмырь, и все! Ну что его выставка, ну что? Разве это выставка? Какая же это выставка? Нет... это все не выставка. Все синька. Все мазня. Ну кто он такой? Ну кто? Фамилию его даже вспоминать не хочу! Пузырь надутый на ровном месте! Как его фамилия?.. вот черт... Специально не буду вспоминать его фамилию! Нарочно не буду вспоминать! Знаю, а не буду вспоминать. Помню, а не вспомню. Не хочу. Его фамилия и моя фамилия. Две одинаковые фамилии. Мы с ним однофамильцы. Бывало, нас путали. А теперь? Да я рядом с ним стоять не хочу, не то что ходить или сидеть!

Парфентьев

Один-одинешенек коротаю новогодний вечер. Жена в гости ушла, я малость приболел. Звонят по телефону.

– Алло!

– Говорит Парфентьев! – слышу радостный голос.

– Вам кого?

– Парфентьев говорит!

С такой радостью мне сообщает, будто я всю жизнь только о Парфентьеве и думал. Подумаешь, Парфентьев, велика важность!

– Говорит Парфентьев, вы меня слышите?

– Я слышу.

– Нет, вы послушайте, голос мой послушайте... Ну? Как? Он пропел «Будьте здоровы, живите богато».

– Ну, – сказал я.

– Ничего?

– А что?

Он пропел «Капитан, капитан, улыbnитесь!»

– А сейчас?

– Ничего.

– Ну вот видите! – Он ужасно обрадовался.

– Вам, значит, никого не надо? – спросил я. – Ровным счетом никого?

– Я же вам сказал: говорит Пар-фен-тьев!

– А дальше что?

– А дальше песня.

– И все?

– Все.

– Мало.

– Вам все мало, дорогой, вы, наверное, из тех людей, которые едят до отвала до тех пор, пока уже дышать не могут. А ведь с вами Парфентьев говорит. Единственный в своем роде. Парфентьев моя фамилия. Пар – первый слог.

– А второй?

– Фен.

– Третий?

– Тьев.

Тут меня осенило.

– Послушайте, вы к моей жене никакого отношения не имеете? Может, она сейчас с вами рядом стоит?

– Помилуй бог, – говорит, – я к своей-то жене никакого отношения не имею, не то что к вашей. Ни ваша, ни моя жена со мною рядом не стоят.

– Спасибо, – говорю, – за приятную новость, сами понимаете, к своей жене вы можете не иметь отношения, а к моей наоборот.

– А моя жена, – говорит, – случайно там с вами не сидит?

– А как ваша фамилия? – спрашиваю.

– Парфентьев, – заорал он необыкновенно радостно. – Единственный в своем роде! Пар – первый слог!

– Так, – сказал я. – Первая буква какая?

– Пе! – сказал он. – По. Повар!

- Печенка! – заорал я. – Пумперникель!
- Пумперникель – что? – спросил он.
- Эстонская еда, – сказал я. – Прелесть!
- А я Парфентьев! – сказал он.
- А вторая буква какая? – спросил я.
- Артиллерия! – сказал он. – Амбразура. Аврал. Арро.
- Арро?
- Ну, это не важно, – сказал он, – мой шеф Арро, вы его не знаете, ну его к лешему!
- Я забыл, на какой букве мы остановились, – сказал я.
- А вы думаете, я только об этом и думаю? – сказал он.
- А как ваша фамилия? – спросил я.
- На третьей букве остановились, – сказал он сразу, – вспомнил.
- Третья буква какая? – спросил я.
- Р-развернись плечо... – сказал он.
- Радуга! – сказал я. – Румба!
- «Тумба, тумба, тумба, Мадрид и Лиссабон!..» – запел он. Потом поинтересовался, не утомился ли я.
- Нисколько, – сказал я. – Вы как раз напали на человека, которого не сразу утомишь. Тем более мне совершенно делать нечего.
- Это так приятно. Такое совпадение! Мне тоже совершенно нечего делать!
- Давайте, давайте, четвертую букву, нисколько я не устал, и насчет еды вы верно подметили, – ем я крепко. На полную мощность. За обе щеки. Когда ем огурцы, хруст стоит на весь дом. Когда хлебаю борщ, слышно во дворе.
- И кушайте себе на здоровье, – говорит, – только соседей не тревожьте.
- Они тоже едят всю, друг друга заглушаем.
- Прекрасные соседи вам попались.
- Отличные соседи.
- А как они выглядят?
- Очень уж на меня похожи.
- Как вы ухитрились?
- Как они ухитрились, вы хотите сказать?
- И вы и они.
- Чего ухитрились?
- Да я и сам не знаю, о чем вы толкуете?
- По-моему, ни о чем.
- Споем?
- Споем.
- Мы спели «Кавы-кавы-кавылечек».
- Я поинтересовался, не устал ли он. Так он даже обиделся.
- Я, – говорит, – не меньше вашего съедаю – две курицы зараз, так что будьте добры, осторожно. Парфентьев моя фамилия.
- А поросенка, – спрашиваю, – можете целого зараз съесть?
- Смотря какого.
- Большого.
- Вдвоем с вами, пожалуй, съедим любого.
- А пива, – спрашиваю, – можете зараз бочонок выпить?
- Могу, – говорит, – ерунда...
- И я могу. А можете ли вы...
- Могу! Могу! – орет. – Не дал договорить. – Парфентьев, – говорит, – моя фамилия.

– Того, о чем я хотел спросить, вы не можете, – говорю.

Он запел песню на стихи «Все мы можем и не можем».

Я подпевал.

Потом спросил:

– Кому же вы все-таки звонили, интересно знать. Любопытно, кому вы звонили?

– А никому. Парфентьев моя фамилия, запомнили? Пар-фен-тьев! Новый год встречаю.

Парфентьев встречает Новый год! Ясно?

Он запел: «Море, море, золотая волна».

Я подпевал. Отлично получалось. Дуэт по телефону. Красота!

Мы спели еще: «А нам до них и дела нет», «Любовь моя далекая», «Провожали гармониста», «Эх вы, эх вы!», «Давным-давно», «Привет вам всем, привет, ребята!», «Привет вам, птицы!».

Поздравили друг друга с Новым годом.

Он сказал:

– А фамилию мою вы уж, пожалуйста, запомните, потому что она у меня другая.

И очень деликатно трубку повесил.

Потяни корову за хвост

Прочел я о конкурсе в юмористическом журнале и несказанно обрадовался. Мне как раз не хватало денег на одну вещицу. Я, правда, не собирался писать рассказ, или басню, или же фельетон, потому что считал все это сложным. Меня вдохновляло другое.

В самом конце условий я прочел нечто такое, что показалось мне весьма легким, даже чепухой, – придумать веселую подпись к рисунку. И за пустяковое дело предлагалось сто рублей. Я, правда, учитывал, что многие пришлют свои подписи и многие будут претендовать на эту сумму. Но я даже представить не мог, как это не придумать подпись. И веселее других. Нужно только подумать. И поспрашивать других.

Может, кто так придумает, что и сам не придумаешь.

Тем более я человек до крайности веселый. Всю жизнь пробавлялся шутками. В бытность учебы меня за мои остроты часто из класса выгоняли, а один раз даже из школы выгнали.

Вырезал рисунок из журнала, гляжу на него во все глаза и чувствую: он расплывается и превращается в туман. Слишком долго глядел. Отдохну, думаю, и снова буду глядеть на него во все глаза. До тех пор, пока мысль не прискачет.

Пустяшненький рисунок: корова стоит на льдине, а мальчик с берега ее за хвост тянет. Какая может быть тут подпись? Два-три слова, ну от силы – пять.

Но что писать?

И вдруг одна за другой полезли в голову подписи: «Не тяни корову за хвост», «Не тяни ее за хвост», «Зачем тянуть корову за хвост?», «Никого не тяни за хвост», «Корова тебе не кошка», «Не тяни за хвост ни кошку, ни корову», «Хвост не для того, чтобы за него тянуть», «Корова – друг человека, а ты ее за хвост тянешь», «Сам потяни себя за хвост», «Не корову нужно тянуть за хвост, а себя за уши!», «Оставь коровий хвост!», «Брось хвост коровы!».

Все подписи мне нравились. Но я не мог решить, какая подпись лучше и чем она лучше другой.

– Скажите, пожалуйста, – спросил я соседа, – как лучше: «Не тяни корову за хвост» или «Зачем тянуть корову за хвост?»

– Гм... затрудняюсь вам ответить, – сказал он, – смотря по какому случаю...

Не стану же я ему объяснять, чтобы он вместо меня премию получил.

– Какое предложение вам кажется смешнее, – спрашиваю, – первое или второе?

– Откровенно говоря, ничего смешного я в ваших предложениях не вижу.

– Вы серьезно?

– Вы же видите – я не смеюсь.

Он действительно не смеялся.

– А как сделать смешно?

Он не понял. Я стал объяснять:

– Представьте себе рисунок: мальчишка тянет корову за хвост. Корова на льдине, а мальчик на земле. Какую смешную подпись написали бы вы под таким рисунком?

– А зачем вам это?

– Нужно.

– А вы сами когда-нибудь тянули корову за хвост?

– При чем здесь я?

– У вас никогда ничего не получится, пока вы сами не потянете корову за хвост.

– А зачем мне тянуть?

– Чтобы вы поняли, что это такое.

– А вы тянули?

– Мне не нужно.

Если бы он знал, в чем дело, не говорил бы, что ему не нужно!
Поступаю проще: посылаю все подписи. Пусть там жюри разберется.
В письме сообщаю, что могу еще прислать в таком духе, если этого недостаточно.
Получаю ответ: присылайте, если у вас хватит духа.
Шлю еще.
Жду денег.
Но не получаю ни шиша.
Неужели недостаточно?
Неужели и в самом деле для этого нужно потянуть корову за хвост?

Музыкальная история

Рудольф Ивановский вышел на репетицию к дирижерскому пульту, держа в одной руке дирижерскую палочку, а другой рукой судорожно протирая глаза. Но сколько он их ни протирал, он не видел знакомых лиц, ни одного своего музыканта.

Он видел нечто странное.

– Где я? – спросил он сам себя.

Да, да, все симпатичные ребята сидят, улыбаются, очень милые люди, но он их всех впервые видел, посторонние личности, незнакомые субъекты, батюшки мои, что у них за инструменты!

Рудольф Ивановский не пил и на отдых заслуженный не собирался. Он хорошо себя чувствовал и вошел в то здание, в которое входил уже много лет. И поднялся по той лестнице, по которой он много лет поднимался. И находился он в зале, в котором столько лет дирижировал. Он, без сомнения, стоял за своим пультом.

Но между тем были сомнения.

Рудольф Ивановский ткнул своей дирижерской палочкой в грудь напротив сидящего музыканта и спросил:

– Кто вы?

– Я музыкант, – ответил тот.

– А где мой музыкант, который сидел на вашем месте?

– На кладбище.

– Он умер?

– Нет.

– Так что же он там делает?

– Играет на трубе.

– Как странно! Ну, а вы? Вот вы. Где Смольников? Где он?

– На кладбище, маэстро.

– А что он там делает?

– Разумеется, играет на скрипке.

– Слава богу, они не умерли, но почему они играют там, а не здесь? И где, позвольте вас спросить, остальные музыканты?

– Остальные на свадьбе, маэстро. Они играют на свадьбе всю ночь.

– Но почему же вы не играете на свадьбе, а они?

– Они нашли себе работу, маэстро, а мы не нашли.

– Что вы называете работой, позвольте вас спросить?

– Я называю работой то, за что платят деньги.

– А здесь им не платят деньги?

– А как же, маэстро! Они ведь нашли замену. Мы их заменяем. Когда мы найдем себе работу, они нас заменят.

– Значит, все мои музыканты на кладбище и свадьбе?

– Кто где, маэстро.

– Где еще?

– Где попало, маэстро.

– Ничего себе музыканты!

– Но ведь мы заменяем их. Мы все готовы. И они нас заменят в нужную минуту по долгу дружбы и товарищества, маэстро!

– Вы все готовы?

– Все.

– Но я вижу одни барабаны! Надо же, чтобы одни барабанщики собрались!

– Это недоразумение, маэстро. Чистая случайность. Какая-то путаница произошла. Такое бывает раз в жизни, маэстро.

– Но это безобразие! Это даже не замена! Бред! Сплошные барабаны, черт возьми! Оркестра нет, а впрочем... Все готовы?

– Все.

– Начнем! Новаторский оркестр! Что в мире не творится! Мы не отстанем, мы тоже пойдем вперед, черт возьми! Яблоко Ньютона, черт возьми! Начнем!

И Рудольф Ивановский взмахнул своей дирижерской палочкой, и барабанный оркестр грянул как гром с ясного неба под сводами театра.

Среди потока самотека

Убедившись в том, что я ничего не умею делать, я начал писать рассказы.

Я посылал их во все журналы и везде получал отказы.

Но это меня не останавливало. Многие писатели начинали таким же образом, можно вспомнить Джека Лондона. Он тоже не сразу пробился, не сразу стал великим писателем. Мысль, что я не умею писать рассказы, мне даже в голову не приходила. Невозможно же, в самом деле, даже рассказы писать не уметь!

Глядя на портрет Джека Лондона, я улыбался и говорил:

– Вот так-то, коллега, не сразу нас с тобой поняли!

И вдруг я получаю приятное письмо из солидного журнала за подписью консультанта. Он пишет: «...среди потока самотека я обратил внимание на ваш рассказ «Яблоки из Гурзуфа», который не кажется мне неинтересным...» Дальше мне предлагалось зайти.

«Среди потока самотека рассказ ваш взволновал глубоко...» – с радостью насвистываю и напеваю.

Письмо наклеил на картонку. Чтобы раньше времени не истрепалось. Согнул пополам. И в карман. Чтобы те, кто во мне сомневались, изменили свое мнение, когда им ткнут в нос.

Никто до этого не предлагал мне зайти в редакцию. Наоборот: советовали не заходить и даже не писать. А тут колесо фортуны, как говорится, повернулось в обратную сторону. Точь-в-точь, как у Джека Лондона в его романе «Мартин Иден».

Помчался в редакцию, нашел в конце коридора в темном углу консультанта за столиком.

– Это я. – говорю, – написал «Яблоки из Гурзуфа». – И показываю ему письмо, наклеенное на картонку.

Он свой почерк узнал, а рассказ не мог вспомнить.

Мы вместе вспоминали, а потом искали рукопись: она у него куда-то запропастилась, попала не в ту папку. Он все папки перерыл, но рассказа не нашел.

На другой день приношу второй экземпляр «Яблок из Гурзуфа».

Он рассказ прочел и говорит:

– Ну как же, помню! Сразу видно, что вы были в Гурзуфе и все видели своими глазами. Очень точно сказано про жару. Жара там действительно есть. У вас очень хорошо написано: «жжет». Она именно – жжет. А вы не были в Кушке?

И я сказал, что был в Кушке, хотя там никогда не был.

– Вы помните Кушку? – спросил консультант.

– Еще как!

– Я служил там, – сказал консультант. – Вот где жара!

– В Гурзуфе тоже жарко! – испугался я.

– Нет, в Кушке жарче... Там жжет, – сказал он задумчиво.

– Значит, все в порядке?

– В порядке? Там, в Кушке, осталась моя любовь. Она осталась там, а я уехал. Разве это порядок?..

У меня отлегло от сердца.

– Напишите ей письмо, – сказал я.

– Такая загорелая девка... – сказал он откровенно.

– Позовите ее сюда, – сказал я.

– Слово «жжет» меня покорило в вашем рассказе. Меня всю жизнь что-нибудь жжет. То солнце. То работа. То любовь. Очень емкое слово!

– Старался вовсю, – сказал я. – Специально для этого нелинованную тетрадку купил. Не получается – лист рву безо всякого! Долой! Раз не получается!

– Это очень хорошо... Пойдемте к редактору, я вас ему представлю.

Редактор сказал консультанту:

– В таком случае, милый, не возьметесь ли вы сами редактировать рассказ? Вы открыли нового автора, так будьте для начала его редактором, тем более у нас освобождается штатная единица.

– У него точные слова, – сказал консультант. – У него очень точные слова...

– Тем более у него очень точные слова, – сказал редактор. – Я, правда, не читал рассказа, но я думаю, у него точные слова, раз вы говорите, что они у него точные.

Рассказ был напечатан.

А на следующий день моего нового редактора, бывшего консультанта, уволили.

Не думаю, что за меня. Но в то же время у него ведь не было других авторов...

– Как же я теперь буду жить? – пожаловался он мне. – Я ведь не умею ничего делать...

Я подбодрил его.

– Пишите рассказы, – сказал я, – пишите их побольше, рассылайте во все издательства, как Мартин Иден. Действуйте, как я. И все будет в порядке.

– Давайте вдвоем, – сказал он, – у меня одного не получится.

– Давайте, давайте, – сказал я, – у меня уже есть литературный опыт, одна голова хорошо, а две лучше!

Нужно было читать...

Сначала все хорошо было.

Она увидела, что я на нее смотрю, и говорит:

– Что вы все время на меня смотрите?

– А что, смотреть нельзя? – говорю. И продолжаю смотреть. Тем более что мне давно жениться пора.

– Можно, – говорит, – только вы так глаза раскрываете, как будто вы слепой.

– Кто, я слепой?

– Вы, а кто же!

Я немного обиделся, но все равно смотреть продолжаю. Тем более у меня намерения серьезные.

Все хорошо было.

А потом я сказал:

– Вот когда я смотрю на вас, мне кажется, Пушкин именно о вас сочинил свои некоторые стихи...

Она возьми да скажи:

– А какие стихи вы имеете в виду?

А я никакие стихи в виду не имел. Я просто так сказал. Должен же я был ей что-то приятное сказать...

Она ждет, что я ей отвечу, а я молчу.

Тогда она говорит:

– «...Передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...»

Это вы имели в виду?

– Во-во! – говорю. – Это самое...

Хотя ничего я в виду не имел. Пушкина я, конечно, знал. Как не знать! В школе еще проходили. Да все забыл. Давно было. Все не упомнишь.

Она говорит:

– Ах, бросьте, ничего вы в виду не имели...

Я говорю:

– Почему не имел? Имел! – И руку на сердце положил, чтобы она лучше поверила.

Она говорит:

– Да знаю я вас всех, всегда врете...

– Ну как хотите, – говорю, – только вы меня этими словами глубоко обижаете... Встретить вот так человека... И вдруг слышишь от человека подобные слова...

Она вдруг ни с того ни с сего говорит:

– Вот вы про Пушкина только что говорили, а Лонгфелло вы читали?

– Кого? – спрашиваю.

– Лонгфелло.

– Читал! – соврал я.

– «Гайавату» всю прочли?

– Всю.

– До конца?

– А что?

– И как вам?

– Хорошо.

Прочел бы эту «Гайавату», думаю, гораздо лучше бы себя чувствовал. Да только разве знаешь, что именно про Лонгфелло будут спрашивать. Хуже, чем на экзамене, ей-богу, получается. Там хоть программа есть. Дадут тебе перед экзаменом программу, и учи себе все билеты.

Я все боялся: она начнет сейчас спрашивать, что я у этого Лонгфелло еще читал.

А она говорит:

– Олешу вы, конечно, читали...

– Кого?!

Она на это внимания не обратила, что я переспросил, или не расслышала и говорит:

– Хороший был писатель, правда?

– Ну! Этот писал, – говорю, – день и ночь...

– Вы о Бальзаке, наверное, вот кто действительно...

– Вот именно! – говорю.

– Нет, вы согласитесь...

– Я согласен! – говорю. – Согласен! – И чего она ко мне с писателями пристала – не понимаю. Про кино бы спросила. Про лес. Про природу. Про птиц. Мало ли что спросить можно, боже мой!

А она говорит:

– Читали Сименона?

– Читал, – говорю. И волнуюсь, на сплошных нервах держусь. Опять ведь спросит, что он написал!

Она говорит:

– Лэнгстона Хьюза читали?

Тут я не выдержал. Мне показалось, она подробно хочет спросить про Хьюза. Как заору:

– Сдалось вам, что я читал, а что не читал! Какое ваше дело! Что вы пристали?

Она зашаталась вроде. Так мне показалось. Она, может, тоже серьезное намерение имела. Ведь все хорошо так было! Так все шло!

Нет, она не упала. Она только перестала улыбаться и говорит:

– Я к вам пристала?

– Да, вы! – говорю. – Пристали с этими писателями как банный лист. Как... не знаю что!

– Ах вот как! – говорит.

– Да, да! – говорю. – Да, да, да!

А так хорошо было. Так все шло...

Она повернулась и пошла от меня, стуча каблуками. Потом повернулась и закричала:

– Ничего вы не читали!

Это была правда. И я не очень обиделся. А она еще раз обернулась и крикнула:

– Баба!

Это было самое настоящее оскорбление. А ведь все хорошо было. Так все шло...

И какого черта она пристала ко мне с писателями! Какое ей дело до всего этого? Что она мне, преподаватель? Что ей до всего, не пойму! Ну, не читал. Нельзя за меня замуж выходить, что ли? Из-за этого? Чушь какая-то! Разборчивые слишком невесты пошли, вот что я вам скажу... А лучше бы читать все-таки. Сидеть с ней рядом да читать... читать... А так хорошо все было. Так все шло...

С утра до вечера

Этот современный паренек в расклешенных штанах со всеми своими водопроводческими инструментами не очень-то спешил за краны приниматься.

– Из кранов, значит, каплет? – спросил он в третий раз.

– Да, как всегда, – сказал я в третий раз.

– В квартире, кроме вас, больше никого нет?

– А какое это имеет значение?

– Есть шансы... – сказал он, озираясь по сторонам.

– А что такое?

– Да вы не волнуйтесь... Очень мне нелегко начинать... неудобно человека беспокоить...

– Я сам вас вызвал.

Он топтался на месте. Молчал. Вдруг сказал:

– Вот я здесь встану... Так? А вы там сядьте. Так...

Я сел.

– Дальше что?

– Значит, так... – продолжал он, – с чего бы начать?... Магомаев, Хиль, Пьеха, Кристалинская, Кобзон... наверно, слышали? Пластинки у вас есть? Ненашева, Вардашева, Пахоменко...

С самого начала он на меня тягостное впечатление производил.

– Мечтаю поступить на вокальное отделение, – пояснил он наконец, – с детства пою с утра до вечера. Родственники, товарищи сначала меня слушали, а потом взмолились: сколько можно! Меня в общем-то некому слушать, понимаете? Работаю сантехником. Вот и приходится петь с утра до вечера в чужих домах...

– Петь с утра до вечера прекрасно, – сказал я.

– В чужих домах? – спросил он недоверчиво.

– Все равно где, – сказал я, – какая разница?

– Серьезно? Вот вы правильно рассуждаете, сразу меня поняли.

– Лучше спойте, – сказал я.

– А что спеть? Можно начинать?

– Спойте, что у вас лучше получается.

– У меня все одинаково получается.

– Ну, спойте все.

– Во человек мне попался! – сказал он восхищенно. – А соседи ничего?

– Соседи на работе.

– Так. Ладно. Сейчас я начну. – Он прокашлялся. Снова спросил: – А напротив?

– Ну, те далеко.

– Всего через площадку, – сказал он, – не так далеко...

– Да ну их, – сказал я.

– Подряд петь? – спросил он.

– Ну, подряд.

– Без передышки? Я не устаю, – предупредил он. – Ладно. Так...

Он спел несколько песен, и мне понравилось.

– И много у тебя родственников? – полюбопытствовал я.

– Народу полно, – скатал он, – да им радио вполне хватает. Я ведь их ни в чем не обвиняю...

– И товарищей полно?

– Полно.

Даже жалко его стало: не дают человеку петь с утра до вечера.

- Еще спеть? – спросил он.
- Давай, давай, не обращай на меня внимания.
- Как не обращаться?
- Как будто меня нет.
- Кому же я тогда пою? – обиделся он. Без слушателей он не мог.
- Я его подбодрил:
- На твоём месте я бы непременно пел с утра до вечера.
- До вечера ещё далеко, – успокоил он.
- Про мои краны не забудь, – напомнил я.
- Как можно! Спеть ещё?

Он в самом деле ни черта не уставал. Рассчитывать на то, что он устанет, никому, наверное, не приходилось. Прослушав подряд песен сорок, я лучше теперь понимал его родственников и знакомых.

В дверь постучали. Он с досадой сказал:

- Ну вот, я же знал...

Я пошел открывать.

- Умерьте телевизор, – сказала соседка.
- Умерю, – сказал я.
- Водопроводчик к вам не приходил? – спросила соседка.
- Он у меня, – сказал я.
- Непременно его потом ко мне пошлите.
- У нее не споешь, – понял он, – да я к ней сегодня не пойду.
- Между прочим, я тоже песен больше слушать не могу, – сказал я откровенно.
- Я-то знаю, – сказал он, – слушать меня никому неохота с утра до вечера. Вот окончу я музыкальное училище, и будут меня слушать все как миленькие за купленные билеты.
- И я приду слушать, – сказал я, чтобы от него отвязаться.
- А сейчас больше не хотите? – спросил он.
- Соседка не позволит, – сказал я.
- Ах да, я и забыл... А как вы думаете, поступлю я в музыкальное училище?
- Отчего же, поступишь, возьмешь и поступишь.
- Возьму и поступлю, – повторил он твердо.
- Возмись-ка ты пока за краны, – сказал я.
- А как вы думаете, – спросил он неожиданно, – нужно ли мне постричься?
- Нет, вроде...
- А все говорят...
- Ну зачем же, ведь ты артист!

– Во-во! – обрадовался он. – Совершенно верно! Буду продолжать развивать свой голос с утра до вечера и не стричься, пока не поступлю в музыкальное училище! Спую вам ещё одну песню и пойду.

Настоящий современный парень, певец по совместительству, поющий водопроводчик со своей мечтой поступить в музыкальное училище, ушел по сантехническим нарядам, забыв исправить краны и оставив меня совершенно разбитым.

В кухне он оставил свой слесарный инструмент.

Зазвонил телефон.

– Я тут недалеко, – узнал я его голос, – в вашем доме! Целая семья меня слушает, чертовски повезло, не хотите ли прийти?

- Нет, нет, я не могу...
- Эх, жаль... здесь все с гриппом лежат... на работу не пошли.
- Ну, хватит, хватит разные там глупости... – разозлился я.

– Я у вас инструмент свой оставил, – орал он, – закончу здесь и к вам зайду.

– Ради бога... – взмолился я, – ничего вы не оставляли...

– Как не оставлял?

Ведь если он вернется, начнет петь...

– Все равно я зайду... Посмотрите. Может быть...

– Я уезжаю, – сказал я в отчаянии.

– Когда? – спросил он.

– Сейчас?

– И надолго?

– Боюсь, насовсем.

– Но мне здесь краны не открутить...

– Ну хорошо, я оставлю ваш инструмент у соседей.

– Нашли, значит? Я же знал!

– Да. Нашел. Но я очень спешу.

– А им можно спеть?

– Кому?

– Тем соседям, которым вы оставите?

– Ах, откуда я знаю!

– За то, что вы нашли мой инструмент, – сказал он, – я вам спою сейчас по телефону.

Я бросил трубку.

Я больше не мог. Он пугал меня. Доканывал. В его репертуаре были песни всех стран, всех народов.

Я от души желаю ему поступить в музыкальное училище, чтобы оставил в покое всех тех, у кого не в порядке краны. Чтобы он навсегда оставил меня в покое.

Чтобы он нашел себе широкую народную аудиторию, достойную его таланта и энергии!

Аврелика **(Доктор филологических наук)**

– За свою жизнь я сделал выдающееся открытие, – улыбнулся он устало, – пустил по свету слово АВРЕЛИКА. Докторскую диссертацию защитил на это слово. Сотни страниц исписал бисерным, мелким почерком. Старался больше есть, чтобы курить поменьше, поменьше спать, чтобы больше написать. С тяжелыми свинцовыми веками и отяжелевшим желудком бил в одну точку... – Он откинулся в кресле и закрыл глаза, давая понять, что бить в одну точку с тяжелыми веками и отяжелевшим желудком далеко не легкое занятие. – Труд кропотливый, повседневный, повсеместный, постоянный, неисчерпаемый... – продолжал он, но я перебил:

– Аврелика?

– Ударение на первой букве, – поправил он, – вы неправильно произносите. Ударение на «А». Аврелика – вот как следует произносить. Некоторые на ваш манер предпочитают ударение на «ли», будто так красивей, но ведь не в одной красоте дело. Не все красивое имеет чисто практический смысл. И еще: не путайте со словом «Эвридика». Между этими словами нет ничего общего. Эвридика – женщина, мифологическая героиня, надеюсь, вам известно. В то время как аврелика – собственное мое детище, смею вас уверить...

– Так что же эвридика... ах да – аврелика...

Он радостно воскликнул:

– Я так и знал, что вы начнете путать, это со многими происходит! Но я все учел, – он подмигнул мне, – все оговорил в моей докторской диссертации. Путайте себе на здоровье и пеняйте на себя во всех случаях.

Я сделал вид, что понял. Он сказал:

– Когда человек все понимает, он находится на высоте необозримой и недостижимой.

Оказавшись на «неимоверной высоте», я все-таки спросил:

– Каким же образом вы пустили по свету это свое слово?

Он глубоко вздохнул. Не так-то, мол, все просто было.

– Постараюсь объяснить. Слушайте меня внимательно и не перебивайте. Итак: в любом разговоре вы вставляете постоянно слово АВРЕЛИКА, к примеру:

«Здравствуйте, аврелика; до свиданья, аврелика; передайте привет, аврелика; примите соболезнования, аврелика». Вы все время вставляете это слово в разговор. Вы меня хорошо поняли?

– Досконально, – сказал я. – Но смысл какой?

– Не спешите, не спешите. Итак, вы нарочно вставляете это слово при любом разговоре, с любым собеседником, так?

– Ну, так, а дальше что?

– Вы прodelываете это с серьезным лицом, – выставил он указательный палец перед своим носом, – иначе...

– Что?

– Провал. Воспримут несерьезно.

– Ах, вот что!

– То-то и оно.

– Не вижу здесь вообще ничего серьезного, – сказал я серьезно.

– Вы серьезный человек? – спросил он серьезно.

– Аврелика – имя? – спросил я на всякий случай.

– Не в этом суть.

– Каким же образом слово пошло по свету?

Лицо его стало настолько серьезным, что я усомнился в несерьезности.

– Послушайте внимательно: тот, кому вы вдалбливаете аврелику...

– Зачем мне ее... эту вашу аврелику, кому-то вдалбливать?

– Да не спешите вы! Если вы будете спешить, я не стану... не стану объяснять... и... в конце концов... молчите. Можете вы помолчать? Вы у меня спросили, я вам согласился отвечать... а вы молчите, и все тут.

– Слова вам сказать нельзя?

– Можно! Можно!!! Но не сейчас. Так вот... Итак, тот, кому вдалбливаете аврелику, сам в конце концов начинает произносить это слово, то есть ваш собеседник в свою очередь пересыпает свою речь авреликой, и таким образом аврелика передается друг другу.

– Для чего?

– Мое учение АВРЕЛИКИЗМ, погодите улыбаться, необходимо человеку, как вода. Как воздух. Как стройматериалы, в конце концов, бетонные перекрытия, блочные дома, музыкальные инструменты, автобусы, троллейбусы, балконы, авиационная промышленность, еда, питье, самовары и одежда!

– И вы еще считаете меня нетерпеливым, – сказал я, улыбаясь.

– А что? – Он крутанул головой в одну, в другую сторону и оглядел меня мутным взглядом.

По взгляду этому я понял, что, когда его заносит, он не так быстро останавливается.

Он уселся поглубже в кресло, провалился в него и начал тоненько и визгливо:

– Человеку гораздо легче говорить, пересыпая авреликой свою речь. Он меньше заикается, если раньше заикался, меньше волнуется, если склонен к волнению, меньше спотыкается на словах, имеет возможность найти нить своей речи, если она теряется... аврелика ему помогает сосредоточиться.

Он выполз из кресла, оперся на подлокотники, подался весь вперед.

Я спросил его:

– По-вашему, выходит, засоренная речь лучше чистой речи?

– Не в этом суть. В крайнем случае можно делать ударение на последнем слоге, слово-то остается. Да и не в ударении дело, если на то пошло. Гибкость всегда хороша. И везде.

– Не о том я толкую, – сказал я с досадой.

– Да вам не втолкуешь, – сказал он с досадой.

– Но почему вы уверены, что ваше слово пошло по свету?

– Здесь у меня целая теория. Сотни страниц, исписанных мелким, бисерным почерком. Все учтено. И оговорено. Возьмите кавказские народы. У них добавляют в разговоре «Э» или «А». К примеру: «Послушай, а... куда идешь, э... домой не приходи, а... хуже будет, э...» и так далее. Так вот. Если аканье и эканье удобно, целесообразно, смягчает интонацию речи, сближает и уравнивает собеседников, то звучное «аврелика», как некое эсперанто, заменит «А» и «Э». Красивей и целесообразней, согласитесь, хоть и длинней. Но зато легче найти нить: произнесешь, к примеру, медленно: «АВ-РЕ-ЛИИ-КА...» – и вот уже ускользнувшие слова выплывают, как расписные.

– По-вашему, выходит, все люди теряют нить разговора, в голове у них целый сумбур и сумятица?

– У большинства.

– И вы своей авреликой в два счета устраните сумятицу, и мозги у людей заработают как часы?

– А что?

– Да ничего.

– Вот то-то и оно.

– И вы в этом нисколько не сомневаетесь?

На секунду он задумался.

– Те люди, которые шпарят без запинки и теряют нить, пусть себе шпарят, но... не исключено, что они начнут вдруг шпарить одно лишь слово: АВРЕЛИКА, АВРЕЛИКА, АВРЕЛИКА... ха-ха! Слишком восприимчивые люди, сами понимаете... близко к сердцу все принимают.

– Да ну вас! – отмахнулся я.

– Конечно, некоторые люди вроде вас обрывают меня и смеются, а воспитанные люди в большинстве случаев делают вид, что не слышат аврелики, но на самом-то деле... слышат. Должно привиться. Ведь в диссертации все учтено и оговорено.

– Но почему вы именно это слово выбрали, не пойму. То есть вы его изобрели, прошу прощения. Бессмысленных слов сколько угодно можно изобрести. Любым словом можно «пересыпать», как удачно выразились вы.

– Любым?

– По-моему, любым.

– Гм... – сказал он после некоторого молчания. – Об этом я не подумал... можно подыскать другое слово, но важен принцип.

– Но по свету вы пустили именно это слово?

– Ну, оно еще не успело облететь весь свет...

– Не собираетесь ли вы заменить его другим, пока не поздно?

– Гм... целесообразней оставить старое. Оно начало свое движение и пусть продолжает шествие. Поскольку все оговорено и учтено.

– Не все, – сказал я, – далеко не все. Себя вы не учли.

– Как то есть?

– Забыли пересыпать свою речь авреликой, – сказал я.

Он спохватился:

– О да... Аврелика... тьфу, черт, аврелика... конечно же аврелика, да, да...

(Теория, не связанная с практикой, сотни страниц, написанных мелким, бисерным почерком, – коту под хвост.)

Он все твердил:

– Забыл, забыл пересыпать...

– Из пустого в порожнее, – добавил я с удовольствием.

А он утомленно улыбнулся. Он давал понять, что всю жизнь пересыпать из пустого в порожнее нелегкая работа, тяжкий труд. И от этого сознания улыбка не сходила с его лица, становилась резче, четче, каменным становилось у него лицо и каменной была улыбка.

И легкое слово «аврелика» превратилось у него в камень, тяжелый, громоздкий, брошенный посреди дороги и мешающий проехать и пройти.

Ну-ка встань, мальчик!

Мальчик Митя был уже в таком возрасте, что вполне мог сказать слово «мама».

Мама Мите говорит:

– Скажи – «мама».

А он молчит.

Папа ему говорит:

– Скажи – «папа».

Так он тем более молчит. Он знал от взрослых, что это слово в самом раннем детстве обычно вторым произносится. И про себя думает: «Для того чтобы произнести хотя бы одно слово, нужно пошевелить языком. А вот как раз этого-то мне и неохота. Поесть мне все равно дадут, попить дадут, так что вполне можно ничего не делать!»

Надо отдать должное: он был очень даже сообразительным, этот малыш. Он, как говорится, с колыбели понял, что его все равно будут кормить, если он даже и просить не будет.

Он еще дальше пошел в своей сообразительности. Он мог предположить, что его переведут на самое усиленное питание. Он так рассуждал: «Родители подумают, будто я нездоров, раз так долго не могу произнести слово «мама», и будут меня всю кормить разными вкусными вещами, чтобы я как можно скорее произнес это слово». И верно. Родители всю его кормили, изо всех сил старались – такие порядочные, любящие своего ребенка отец и мать.

Митя тоже старался. Можно только позавидовать его блестящему аппетиту.

Однажды, дело было вечером, папа с мамой сидели за столом и пили чай с вареньем. А Митя смотрел из своей кровати на прекрасное варенье, ему вдруг захотелось чайку, и он вслух вздохнул:

– Эх, папаша, мамаша, – сказал он, – дали бы и мне чайку с вареньем, ей-богу, очень хочется...

Он тут же испугался, что теперь ему и впредь придется шевелить языком, если родители услышали, но опять вслух сказал:

– Фу-ты, черт!..

Родители моментально повернули к нему головы. Надо себе представить, как они удивились! Мама выронила чашку с чаем, и чашка разбилась вдребезги. А папа бросился вон из комнаты и долго стоял на лестничной площадке, ничего не понимая. Он никак не мог вернуться в комнату от перенесенного удивления и страха. В конце концов он вернулся на цыпочках.

Родители подошли к Митиной кровати, а сын, не будь дурак, притворился спящим. Чтобы не подумали, чего доброго, будто именно он произнес эти четкие слова.

Родители только пожали плечами, посмотрели друг другу в глаза и моргнули по несколько раз. Они решили, что им показалось.

Дальше самое интересное! Папа с мамой куда-то вышли, а их сын Митя встал в своей кровати, попрыгал на подушке, сделал стойку на руках. Он был на редкость здоровый, откормленный, крепкий ребенок.

Он вылез из кровати, пошел в другую комнату, снял трубку телефона, набрал номер и сказал:

– Алло! Как поживаешь, старик?

Писклявый голос ему ответил:

– Твоими молитвами, старик.

– Одними молитвами не проживешь, – сказал Митя.

– Боюсь сорваться, – сказал писклявый голос.

– А я уже сорвался, – сказал Митя.

– Да ну! – испуганно сказал писклявый голос.

- Но все пронесло, – сказал Митя.
- А я еще ни разу не срывался, – сказал писклявый голос.
- У тебя еще все впереди, – сказал Митя.
- Намного ли ты старше? – сказал обиженно писклявый голос.
- На два года, Василий, – сказал Митя.
- Можно подумать, что лет на двадцать, – сказал Василий.
- Твои допотопные не скоро явятся? – спросил Митя.
- Опасно, – сказал Василий.
- Ну, будь здоров, старик!

Митя так рассуждал: «Если я буду ходить при родителях, мне, чего доброго, придется самому на горшок ходить, мыть руки, еще, чего доброго, посуду мыть заставят, а то и того хуже, за чем-нибудь пошлют, – нет, лучше я все-таки полежу, не стоит этого делать. Раз никто не знает, что я ходить умею. А если они меня будут ставить на ноги – я буду падать. Никто никогда в жизни не догадается, что я давно могу не только ходить, но и бегать».

Он вышел на балкон и стал смотреть на улицу. Его снова очаровал вид сверху, и он никак не мог уйти с балкона. Надо думать, он не впервые появлялся на балконе в отсутствие родителей.

Несмотря на свою сообразительность, он не рассчитал время.

Возвращаются родители и не находят сына на месте. Они в крайнем отчаянии носятся по комнате, заломив руки. И вдруг они видят своего сынишку на балконе. Он удивительно крепко стоит на ногах, совершенно не держась за перила.

Отец с матерью чуть не свалились, увидев такое, но быстро смекнули, что первым может свалиться их сын, и поэтому остались на ногах, вернее, бросились к балкону.

Состояние у них в этот момент, конечно, было ужасное. Отец, например, закричал?

– Я тебя отдую!!!

А мама сказала:

– Что же делается, а?!

И тут (вот что самое интересное!) сын, совершенно забыв, что ему следует молчать как рыба (если он хочет есть и пить, не работая языком), вдруг крикнул:

– Ничего не делается, подумаешь, какая важность!

Надо опять-таки отдать ему должное, он тут же понял свою ошибку и закричал во всю плотку:

– Ничего я не говорил! Ничего я не говорил!

Но это только усугубило положение. Все-таки, безусловно, он не обладал хитростью взрослого человека. Пожалуй, это самое основное, чего ему недоставало в его изобретательности.

Что происходит с родителями после его слов? Известно что. Мать ложится в постель и тяжело дышит. Отец точно так же тяжело дышит и бежит к телефону.

И самое любопытное, что после всего этого их сын, сколько его ни ставили на ноги, тут же падал. И сколько его ни просили сказать слово «мама», он ни звука не произнес.

Он проявил удивительную твердость и принципиальность в этом отношении.

Приезжает доктор.

Мама встает с постели, оправившись от потрясения, но вид у нее бледный. У сына же краснощекий вид, и он продолжает лежать в кровати, притворяясь, что спит.

– Его нужно разбудить, – говорит доктор.

– Ой, ай, ребенка будить, как же так, как жаль, обидно, невозможно, как же можно, – говорят родители.

Доктор говорит:

– Не могу же я приезжать второй раз, меня ждут другие больные. У меня времени в обрез.

Родители, вздыхая, говорят:

– Может быть, у вас есть хоть немножечко времени подождать, когда он проснется? (До чего же все-таки, заметьте, родители любят своего ребенка!)

Доктор говорит:

– У меня нет времени, я вам уже сказал. А чем, собственно, он болен? Глядя на вашего ребенка, не скажешь этого. Может быть, вы перепутали и у вас кто-то другой болен?

Родители объясняют поведение своего сына, и доктор хмурится. Как будто он не верит. В это время Мите надоело лежать с закрытыми глазами, тем более ему любопытно взглянуть на личность доктора, и он открывает один глаз.

Доктор сразу замечает (на то он и доктор) и строго говорит:

– Ну-ка встань, мальчик!

От такого строгого голоса Митя, к удивлению своих родителей, встает во весь рост и твердым голосом заявляет:

– Я больше никогда не буду...

– Он просто валял дурака, – говорит доктор.

– Не может быть! – говорят родители.

– Быть все может! – говорит доктор и, возмущенный, уходит.

А родители остаются совершенно потрясенные.

Они никогда не ожидали от своего сына такого поступка. Ведь они так хорошо к нему относились!

А он?..

В гостях у соседа

Стою на лестничной площадке, схожу, думаю, к соседу, давно у него не был.

Звоню, вхожу, вижу: четыре разноцветных попугая ходят бродят вокруг толстого сиамского кота. Кот большой, крупный, а один попугай чуть побольше кота, а три средние, ну как бы это вам объяснить?.. несуразные пропорции у птиц и кота. Кот, скажем, ну... с эрдельтерьера, а тогда можете представить, попугай каков? Кот желтый с черным, а попугаи всеми цветами радуги переливаются вокруг кота.

Ну, здравствуйте, здравствуйте. Узнаю, что четыре комнаты у него перегородены на шестнадцать.

Стоим в одной из шестнадцати комнат. Кот с попугаем перешли сюда же.

Кот с птицами сидит, а мы стоим. Неохота сидеть. Толкаться. В другую комнату пошли, а те за нами. Кот с попугаями. Осматриваю в основном обои, во всех шестнадцати комнатах обои совершенно разные.

– Мебель менять собираемся, – говорит хозяин, – но беда в том, что старую теперь отсюда не вытащить, а новую не втащить. Старую как бы замуровали, а для новой вход забаррикадировали...

– И как же теперь?

– Думаем. Ну, а общее впечатление?

– Дай пива, – вдруг кот говорит.

Совершенно обалделый, спрашиваю кота:

– А ты-то каким образом разговариваешь? А он лапой махнул.

– Да бывает, бывает, все бывает... – говорит.

– Жрет пиво ведрами, – хозяин говорит, – и попугаев пугает, как нажрется этого пива!

Гоняет их по комнатам, довольно занятная картина, между прочим.

– Кто гоняет?

– Кот.

Вот это номера!

Хозяин говорит:

– Да что вы удивляетесь! Всему всю жизнь удивляетесь, чудак! Ведь есть кот в сапогах, кот на цепи у лукоморья, всех не перечтешь.

– Нет, нет, простите... в сказках! Что вы меня-то путаете? Не удастся провести. Я не могу представить наяву и не буду.

– Можете не представлять. Факт налицо.

– Налицо.

Кот говорит:

– Да бывает, бывает, все бывает.

– Да не может быть!

Попугай говорит:

– Катись тогда отсюда, если не веришь!

Вот нахал!

– Не надо так с гостями, – говорит сосед.

– Да ну его... – попугай ему отвечает.

– Помолчи, Кокоша, – говорит сосед.

– Да заткнись ты, обормот, – попугай хозяину отвечает.

– Ладно, ладно... – Хозяин вроде бы его побаивался, что ли...

– Да что же такое, братцы, – говорю, – что же творится, происходит на моих глазах? Вы за кого меня считаете? Ведь не бывает такого и не может быть!

- Да вы не берите в голову, – хозяин говорит.
- Как мне не брать?!
- Вы с этой птицей осторожно, дружище, – хозяин говорит, – с Кокошей лучше не деритесь. Знаю я вашу манеру драться по каждому пустяку. Всегда и всюду лезете на рожон, если чего не поймете.
- Да, может, это и не птица, – говорю, – а черт знает что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.